

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

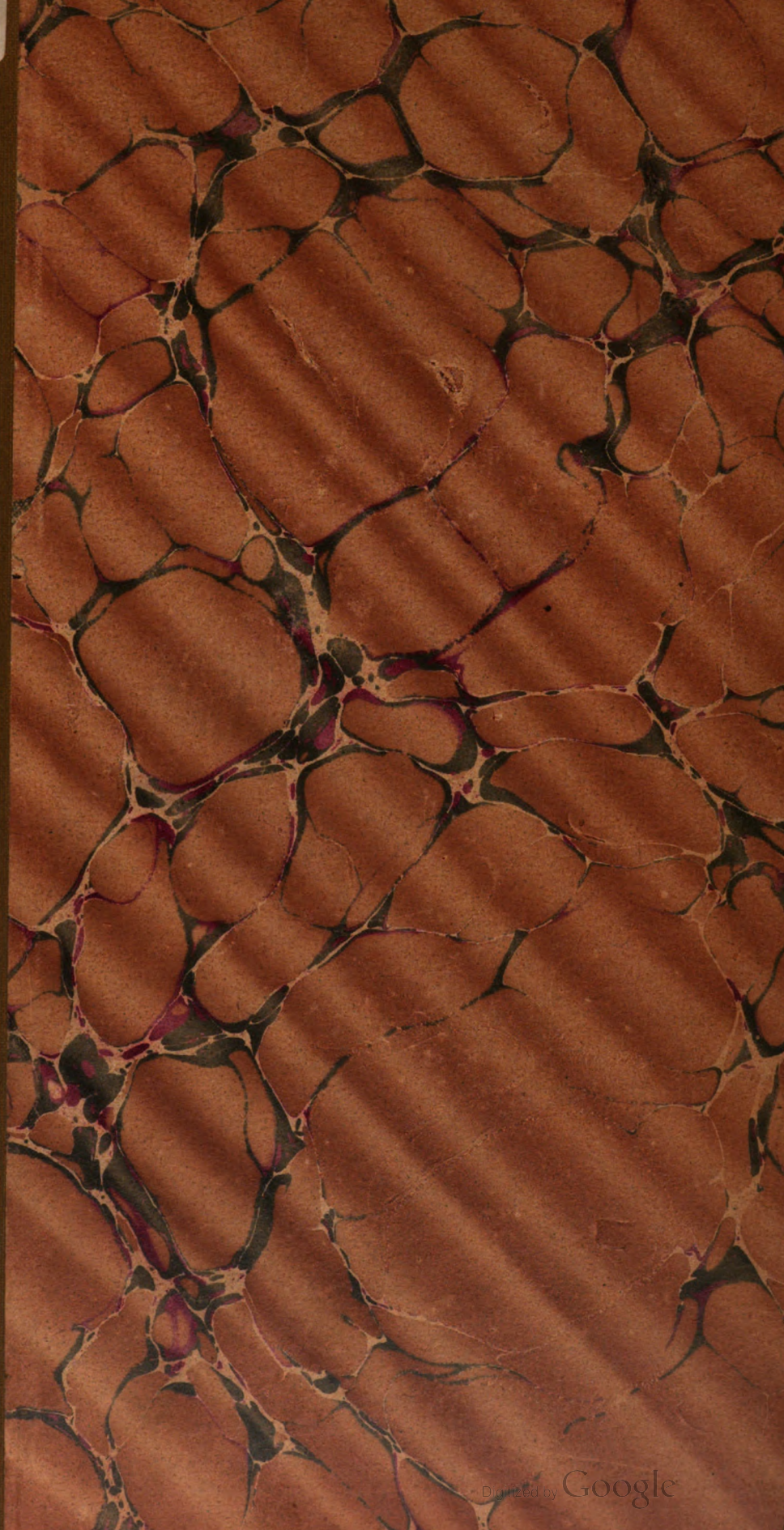
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

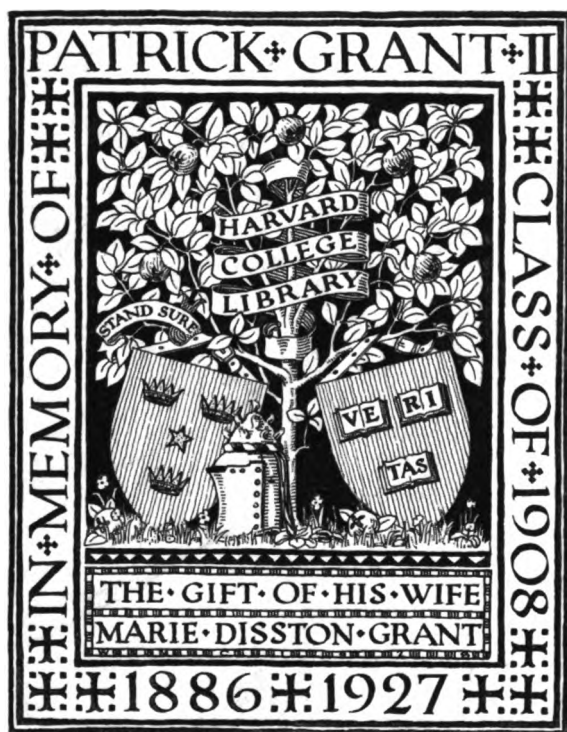
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

АНИЧКОВЪ - МИКОЛА УГОДНИКЪ .

27/223
45

27223. 45

104 # 15

ЗАПИСКИ НЕО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

(Бывш. Отдѣленія Филол. Общ. по Романо-Германской Филологіи).

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Выпускъ II, № 2.

Е. В. Аничковъ.

„Микола угодникъ и св. Николай“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 80.

1892.

Printed in Russia

МИКОЛА УГОДНИКЪ И СВ. НИКОЛАЙ.

Опытъ литературной критики въ области народныхъ
сказокъ и пѣсенъ.

Е. В. Аничкова.

1

ЗАПИСКИ

НЕО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

(Бывш. Отдѣленія Филол. Общ. по Романо-Германской Филологіи).

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Выпускъ II, № 2.

Е. В. Аничковъ.

„Микола угодникъ и св. Николай“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 80.

1892.

27223.45

Crawford

Печатается по опредѣленію Комитета Нео-филологическаго Общества при
Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Еще недавно, когда по поводу происхожденія русских былинъ поднимался у насъ вопросъ о самобытности народнаго творчества, считались какъ бы святотатствомъ попытки сближенія русскаго національнаго эпоса съ эпосомъ другихъ народовъ. Это было время, когда послѣ работъ Вука Караджича, повсемѣстно стали искать и изучать свою народную литературу, когда полнота и древность ея служили удовлетвореніемъ національнаго самолюбія. Сторонники самобытности народныхъ преданій искали объясненія ихъ въ *миѳологической* теоріи; но рядомъ съ этимъ возникла и *историческая* теорія, переходящая иногда въ нѣкоторыхъ своихъ пріемахъ въ теорію о *заимствованіяхъ*. Теперь наука вполне признала эту теорію, начинающую переходить отъ простыхъ сближеній къ болѣе или менѣе широкимъ выводамъ. Одинъ изъ представителей этой теоріи о *заимствованіяхъ* А. Н. Веселовскій выразился недавно, что „дѣло идетъ не о вліяніи одной культурной среды на другую, а о контрастѣ, въ которомъ должны были очутиться идеалы, воспитанные извѣстными отношеніями общества, въ литературѣ, отвѣчавшей другимъ жизненнымъ спросамъ“ ¹⁾. Эта мысль, относящаяся къ частному факту, къ передѣлкѣ одной изъ такъ называемыхъ *странствующихъ* повѣстей, передѣлкѣ, которой она подверглась, перейдя изъ міра стараго западнаго рыцарства на русскую народную почву, можетъ быть при- мѣнена къ цѣлому ряду явленій нашей народной литературы.

Итакъ, если въ послѣднее время обращается особое вниманіе на исторію странствующихъ повѣстей и легендъ, то руководящею идеей этихъ изслѣдованій будутъ вопросы тѣхъ международныхъ сношеній, на почвѣ которыхъ выросла народная поэзія каждой племенной

¹⁾ *Пантеонъ Литературы*, 1888 г., январь. Славяно-Романскія повѣсти, стр. 3.

особи. Сличая образцы народного творчества съ ихъ въ большинствѣ случаевъ книжными прототипами, открываешь передъ собой очень часто широкую область народной идеализаціи, выразившейся въ своеобразно созданныхъ народнымъ воображеніемъ герояхъ. Широкий просторъ *такой* самобытной идеализаціи доставилъ въ греко-славяно-русской литературѣ христіанскій апокрифъ. Такимъ образомъ, всякая литературно-критическая работа въ этой области распадается тѣмъ самымъ на исторію византійскаго первоисточника съ одной стороны и обстоятельствъ воспріятія его славяно-русской народностью съ другой.

I.

Въ предстоящемъ очеркѣ я постараюсь показать и объяснить циклъ народныхъ преданій о Миколѣ Угодникѣ, столь близкомъ русскому нуждающемуся простонародью. Идеализація этого образа, переходя изъ книжной легенды въ сказку, былинну и пѣсню, проходитъ цѣлый рядъ фазисовъ и всюду отличается какой-то особой задушевностью. Едва-ли не отразились въ этомъ простомъ и незатѣйливомъ образѣ самыя завѣтныя мечты русскаго простого человѣка. Увидѣмъ, однако, на время въ далекій отъ насъ міръ греческаго апокрифа и тамъ мы встрѣтимъ, если не того же Миколу Угодника, то, по крайней мѣрѣ, его первообразъ, уже успѣвшій приблизиться къ простому рабочему народу. Нужно вчитаться въ древнюю церковную литературу, чтобы рядомъ съ витіеватымъ и холоднымъ изложеніемъ житія, сдѣлан-нымъ церковнымъ книжникомъ, почувствовать цѣлый міръ теплой непосредственной вѣры, иногда полной какой-то чуть не языческой идеализаціи. Житіе, которое я имѣю здѣсь въ виду восходитъ къ IV вѣку ¹⁾, а уже въ концѣ этого вѣка и въ началѣ V-го народъ привыкъ видѣть образа св. Николая ²⁾. Въ концѣ VI в. онъ уже молится въ церкви его въ Византіи противъ Влахернъ ³⁾.

Всѣхъ „актовъ“ о св. Николаѣ извѣстно семь ⁴⁾, и въ центрѣ ихъ

¹⁾ *Serpiu*. Полный мѣсяцесловъ востока, томъ II, стр. 379.

²⁾ *Jahrbücher für Protestantische Theologie*. XIII Jahrgang, II Heft, S. 523.

³⁾ *Du Cange*, Constantinopolis Christiana l. IV, p. 130, LXVIII.

⁴⁾ См. у *Фабриція*, *Bibliotheca Graeca* t. X, тоже *Patrologia Graeca Migne* t. 116. Нѣкоторые неизданные акты указаны у *Lambecius'a* t. VIII, p. 657 и IV p. 148.

извѣстное Метафрастово житіе, начинающееся словами: Ζοφόν τι χρῆμα. Оно, какъ и всѣ житія, написанныя преподобнымъ Метафрастомъ, носить характеръ поучительнаго жизнеописанія, изображая святого народолюбцемъ и чудотворцемъ. Это житіе находится и въ нашей Четвъ Миней, гдѣ начинается словами „Чудна нѣкая вещь“.

Отдѣльную группу житій составляетъ такъ называемое „иное житіе св. Николая“; оно извѣстно намъ теперь по четыремъ текстамъ: Ватиканскому, изданному въ 1751 г. Фальконіемъ и названному имъ „Acta sancti Nicolai primigenia“, Синайскому и Саввинскому ¹⁾, переведеннымъ г. А. А. въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи. Четвертый текстъ церковно-славянскій, восходящій къ XI вѣку, изданъ архимандритомъ Леонидомъ ²⁾. Эти послѣднія житія настолько разнятся отъ общераспространенныхъ, проложныхъ житій, что многіе изслѣдователи прямо признали существованіе двухъ св. Николаевъ, одного строителя храма и монастыря, какимъ описываетъ его „иное житіе“, жившаго при императорѣ Юстиніанѣ, и другого, присутствовавшаго на первомъ вселенскомъ соборѣ, архіепископа города Миръ Ликійскихъ, современника императора Константина. Такого мнѣнія придерживается въ упомянутыхъ статьяхъ г. А. А.; другой же издатель „иного житія“, архимандритъ Леонидъ, не признавая существованія двухъ св. Николаевъ, все иное житіе считаетъ апокрифическимъ. Съ этимъ мнѣніемъ столь уважаемаго знатока церковной древности нельзя не согласиться, тѣмъ болѣе, что многое, что мы находимъ въ этомъ „иномъ житіи“, носитъ на себѣ характеръ мѣстнаго преданія гораздо болѣе, чѣмъ христіанскаго житія. Такимъ образомъ для изслѣдователя народной литературы это „иное житіе“ является документомъ первой важности и ложится въ основу цѣлаго ряда апокрифическихъ сказаній и апокрифическихъ вѣрованій.

Мѣстный культъ удержался въ Ликіи и до сихъ, такъ что прежде, чѣмъ обратиться къ этому мѣстному житію, не безинтересно прослѣдить тѣ свѣдѣнія, какія даетъ объ Ликіи посѣтившій ее въ сороковыхъ годахъ этого вѣка г. Тексье ³⁾. Мѣстность Ликіи, гористая и суровая, уступами спускается къ морю, образуя около города Миръ, теперь полуразрушеннаго и забытаго, плодородную долину. Здѣсь до сихъ поръ сохранился монастырь и храмъ св. Сіона, гдѣ,

¹⁾ *Тр. Кіевск. Дух. Ак.* 1869, V и 1873, IV.

²⁾ Житіе и чудеса св. Николая Чудотворца изд. въ *Памятникахъ Древней Письменности* С.-Пб. 1881.

³⁾ *L'Asie Mineure par Texier* p. 691 (въ серіи *L'univers Pittoresque*).

по преданію, нѣкогда покоились мощи св. Николая. Съ построеніемъ этого храма связано и все „иное житіе“. Г. Тексье нашелъ только нѣсколькихъ невѣжественныхъ греческихъ монаховъ, которые, игнорируя, что мощи св. Николая еще въ XI вѣкѣ увезены въ Бари, показывали ему эти мощи ¹⁾. Другому путешественнику тѣ же монахи сообщили, что мощи св. Николая перевезены въ Петербургъ русскимъ фрегатомъ ²⁾. Жители Ликійской области—греки, говорящіе на своеобразномъ, мало извѣстномъ діалектѣ. Они искони занимались хлѣбопашествомъ, хотя нѣкогда были извѣстны воинственнымъ духомъ и тѣмъ стремленіемъ къ независимости, какимъ отличаются всѣ нагорныя племена. Вся мѣстность покрыта гробницами съ трудно понимаемыми письменами; съ этими гробницами нѣкогда соединялся довольно грубый культъ предковъ. Рядомъ съ этимъ былъ здѣсь распространенъ и культъ Аполлона и Артемиды.

Итакъ вотъ та среда, гдѣ развивалась мѣстная легенда о св. Николаѣ. Немудрено, что въ нее было внесено многое такое, чего нельзя не считать апокрифическимъ. Самъ городъ Миры впоследствии принялъ совсѣмъ другой, гораздо болѣе культурный характеръ, какъ мы это увидимъ ниже, но слѣдуетъ различать городъ, гдѣ дѣйствительно покоились мощи нашего святого ³⁾ и куда къ его гробу стекались постоянно паломники, съ городомъ окружающаго его грубаго и первобытнаго населенія. Я повторяю, что и городъ Миры особый культурный отгѣнокъ получилъ уже впоследствии: апостолъ Павелъ, два раза бывшій въ Мирахъ, не нашелъ однако нужнымъ почитать этотъ край своею проповѣдью ⁴⁾.

Я не буду излагать содержаніе всего „иного житія“ и остановлюсь только на особо интересующихъ насъ эпизодахъ его. Само же житіе принадлежитъ къ числу тѣхъ патериковыхъ сказаній, каковыми изобилуютъ всѣ монастырскія житія. Интересно въ немъ развѣ то, что вмѣсто одного св. Николая мы имѣемъ въ немъ двухъ, дядю и племянника. Интересно и извѣстіе о паломничествѣ св. Николая ко Гробу Господню, на которомъ замѣчаются попытки сближенія этого житія съ житіемъ, написаннымъ преподобнымъ Метафрастомъ. Теперь перейдемъ къ отдѣльнымъ эпизодамъ. Особо интересующее насъ мѣсто

¹⁾ *Texier*, *ibid.*

²⁾ *Spratt* *Travels in Licia* t. II, p. 166.

³⁾ *Шляпкинъ*, Русское поученіе XI вѣка на праздникъ перенесенія мощей св. Николая. С.-Пб. 1881.

⁴⁾ *Дѣяніе Апостоловъ*, XXVII, 37.

начинается слѣдующимъ образомъ: къ св. Николаю приходитъ диаволъ и онъ говоритъ брату своему: „не бойся, чадо, это не человѣкъ, а истинный врагъ рабовъ Божіихъ диаволъ; однажды, когда я покоился въ своей кельѣ, увидѣлъ Ангела Господня, сидѣвшаго верхомъ на конѣ“ ¹⁾. Этимъ вступленіемъ начинается весьма любопытный разказъ, не имѣющій ничего общаго съ явленіемъ диавола. Спикатель Синайскаго списка этого же житія постарался сгладить неуѣстность его, выдѣливъ его тѣмъ, что повелъ разказъ отъ третьяго лица. Русскій списокъ ведетъ его отъ перваго лица, какъ и Ватиканскій и Саввинскій, но только выдѣливъ его въ отдѣльную главу. По всей вѣроятности это и былъ отдѣльный, вставленный неискусною рукою разказъ.

Содержаніе его слѣдующее: св. Николаю является во снѣ Ангелъ, сидящій на конѣ, съ серпами въ рукахъ, и говоритъ Николаю, что придетъ время жатвы, и для этого онъ принесъ серпы. Тогда св. Николай сказалъ брату своему: дадимъ ему три просфоры, а то онъ и два голубя возьметъ и уйдетъ „И въставъ, яко добрый воинъ, всѣдъ на конь свой и ѣде“ ²⁾ А св. Николай проснулся въ страхъ; по утру онъ рѣшилъ читать больше псалмовъ, чѣмъ обыкновенно, и на вопросъ брата о причинѣ такого рѣшенія сказалъ, что міръ имѣетъ кончиться и Господь требуетъ, чтобы его руками преданы были души человѣческія. Въ русскомъ спискѣ въ одной редакціи стояла „роукома наша изищеть га“, а въ другой „спасетъ га“, по гречески сказано „таѣта ѣзфраѣиѣна“. Войдя въ храмъ, св. Николай замѣтилъ, что алтарь наклонился на правую сторону; тщательно разсмотрѣвъ, онъ увидѣлъ течъ въ крышѣ и воду, свободно проникающую въ алтарь. Это состояніе храма онъ также счелъ дурнымъ предзнаменованіемъ. И дѣйствительно черезъ нѣсколько дней вновь явился св. Николаю ангелъ, на этотъ разъ архангелъ Михаилъ, и объяснилъ видѣніе: сидящій на конѣ есть ангелъ Божій (ἄγγελος), а серпы, которыми онъ далъ св. Николаю значать, что „дасться тебѣ молити ѿ дѣпахъ хотащихъ предати ѿ Лоукыискіа области“ ³⁾. „Серпы ихъ же ты видѣши сила знаменія Господня соуть и дадаться тебѣ да роукома твоима даются дѣ чѣвческы имже яко жатва пристопила есть смѣръ“. Черезъ нѣсколько времени, правда, начался моръ въ городѣ, такъ что поселяне не стали носить туда съѣстные припасы и въ городѣ сдѣ-

¹⁾ *Тр. Києвск. Дух. Ак.* 1869 іюль, стр. 477.

²⁾ *Житіе св. Николая*, стр. 57.

³⁾ Тамъ же, стр. 59.

лался голодъ. Тогда архіепископъ города Филиппъ обвинилъ св. Николая въ подстрекательствѣ народа не ходить въ городъ. Князь города прислалъ двухъ клириковъ взять св. Николая. Далѣе трудно понять смыслъ. Являются крестьяне Трогосійской вѣси и убѣждаютъ св. Николая идти въ городъ, а то изъ за него имъ де грозитъ опасность; по другому списку они напротивъ упрашиваютъ его остаться, боясь за него. Но какъ бы ни было, клирики очевидно оставили св. Николая въ покоѣ, потому что дальше ни о какихъ враждебныхъ отношеніяхъ князя города къ св. Николаю не говорится.

По внушенію св. Духа и подъ вліяніемъ дурныхъ предзнаменованій св. Николай отправляется по церквамъ приносить жертвы. „Въ тѣ дни пошелъ св. Николай въ церковь св. Георгія и принесъ 7 воловъ въ жертву и вина и хлѣба“ ¹⁾. Далѣе чтенія спутаны; по Ваттиканскому списку св. Николай въ годовщину явленія ему ангела идетъ опять по церквамъ и приносить жертвы. Церквей на этотъ разъ приводится весьма много: св. Гавріила Архангела, св. Ѳедора, св. Архангела Михаила и др. Вездѣ, гдѣ онъ приносить жертву, происходитъ умноженіе продовольствія, и народъ пируетъ. Этимъ кончается это запутанное, но весьма интересное сказаніе.

Принесеніе быковъ въ жертву въ храмъ св. Георгія невольно наводитъ мысль на то, что мы уже знаемъ изъ работъ гг. Кирпичникова ²⁾ и Веселовскаго ³⁾ о малоазійскомъ культѣ этого святого. Сопоставляясь съ этими свѣденіями, мнѣ кажется, безъ особенныхъ натяжекъ можно объяснить это мѣсто слѣдующимъ образомъ: былъ голодный годъ (представленіе о морѣ, который не пускалъ пахарей въ городъ продавать хлѣбъ, по своей сложности, можетъ быть понято, какъ позднѣйшій приростъ къ сказанію о голодѣ тѣмъ болѣе, что далѣе ничего не говорится о какомъ нибудь морѣ или объ дѣятельности во время него св. Николая) и вотъ передъ этимъ голодомъ является Вѣстникъ Божій верхомъ на конѣ и напоминаетъ св. Николаю о предстоящей жатвѣ (серпы). Проснувшись, св. Николай видитъ алтарь въ заустѣнн, вѣроятно, потому, что на немъ давно не приносились жертвы. Дальнѣйшее явленіе Архангела Михаила съ его апокалиптическимъ запутаннымъ объясненіемъ серповъ и жатвы и вытекающимъ изъ него представленіемъ объ голодѣ, могло быть встав-

¹⁾ *Тр. Киевск. Дух. Ак.*, 1869, іюнь, 478.

²⁾ Св. Георгій и Егорій храбрый, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876, XII; 1896, I и II.

³⁾ Разсказанія въ области дух. стиха. III, Св. Георгій въ пѣснѣ и образѣ.

влено впоследствии, когда былъ забытъ обрядъ принесенія въ жертву быковъ св. Георгію и весеннее значеніе его культа. Допустивъ этотъ пропускъ, мы кряду приходимъ къ принесенію жертвы св. Георгію и противодѣйствию, какое оказало этому полудяческому обряду христіанское духовенство. Такимъ образомъ этотъ эпизодъ объясняется очень просто, какъ воспоминаніе о старомъ забытомъ обрядѣ, быть можетъ, дѣйствительно возродившемся въ эпоху общенароднаго бѣдствія.

Въ связи съ этимъ эпизодомъ, быть можетъ, находится чудо св. Николая, извѣстное намъ по пересказу Метафраста ¹⁾, съ венеціанскими купцами, которыхъ онъ убѣдилъ привести клѣбъ въ Миры во время голода. Это чудо устойчиво находится во всѣхъ проложныхъ житіяхъ. Въ похвальномъ словѣ Меодія на праздникъ св. Николая упоминается тоже чудо, но купцы названы плывущими изъ Александріи ²⁾.

Противъ вышеизложеннаго объясненія этого вставочнаго сказанія о морѣ говоритъ, во первыхъ, то, что кромѣ церкви св. Георгія св. Николай приносилъ въ жертву воловъ и другимъ святымъ, которыхъ дѣлается тутъ весьма длинное перечисленіе, а во-вторыхъ, появленіе архимандрита Михаила и его объясненіе, сдѣланное въ весьма распространенномъ апокалиптическомъ стилѣ. Поэтому даже признавъ данное мѣсто за свидѣтельство объ существовавшемъ въ Ликии весеннемъ культѣ св. Георгія, весьма важно было бы имѣть объ немъ извѣстія изъ народной новогреческой литературы. Съ точки зрѣнія *народной* легенды о св. Николаѣ это мѣсто „инога житія“ имѣетъ какъ бы ни было то значеніе, что оно указываетъ на народный обычай принесенія въ жертву воловъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же житіи мы имѣемъ еще одно указаніе на весенній народный праздникъ, о которомъ будетъ сказано ниже, праздникъ Русалій. О народномъ значеніи легенды св. Георгія, св. Феодора и св. Дмитрія и др. мы уже имѣемъ такіа почтенныя труды, какъ вышеуказанныя разысканія гг. Веселовскаго и Кирпичникова. Остается ввести въ область весеннихъ обрядовъ и св. Николая, чтобы объяснить себѣ то громадное значеніе, какое онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи у западныхъ славянъ и у нашего простого народа, ввести св. Николая, говоря словами А. Н. Веселовскаго, „въ циклъ житій объединенныхъ аналогією

¹⁾ *Migne*, t. 116.

²⁾ *Kalendaria, Assemani* V, p. 415.

типовъ, а можетъ быть и одной и той же мѣстностью¹⁾. Именно въ смыслѣ объединенности свв. Николая, Георгія, Θεοδора и Дмитрія важно указаніе на принесеніе въ жертву быковъ въ Ликии, мѣстѣ культа св. Николая; а „животная жертва, говоритъ А. Н. Веселовскій, составляетъ черту общую всѣмъ тремъ народнымъ праздникамъ“²⁾, то-есть, свв. Георгія, Θεοδора и Дмитрія.

Но прежде чѣмъ перейти къ тому извѣстію, какое мы находимъ въ житіи св. Николая, объ связанномъ съ его именемъ весеннемъ Ликійскомъ праздникѣ, я остановлюсь на вопросѣ объ аналогіи типовъ святыхъ Георгія и Николая, насколько эта аналогія опредѣляется аналогіею чудесъ этихъ святыхъ. Еще А. Н. Веселовскій по поводу чуда объ Агриковомъ сынѣ Васи́лѣ указалъ на общность чудесъ перенесенія у святыхъ Георгія, Николая, Никиты и Θεοδора³⁾. Дѣйствительно чудеса совершенно тождественныя чуду объ Агриковомъ сынѣ Васи́лѣ совершаютъ и всѣ эти святые. Оно состоитъ въ томъ, что на островѣ Критѣ жилъ человѣкъ особенно чтившій одного изъ поименованныхъ святыхъ. Но когда, подъ вліяніемъ захватившихъ въ Критѣ власть Сарацѣвъ, онъ перестаетъ чествовать праздникъ святого, сынъ его попадаетъ въ руки язычникамъ и потомъ чудесно переносится въ родительскій домъ. Интересно то, что во всѣхъ этихъ разныхъ чудесахъ мальчикъ переносится въ родительскій домъ, держа въ рукахъ чашу, въ которой онъ подносилъ питье своему господину язычнику. Мѣняются въ этихъ чудесахъ только названія мѣстъ дѣйствія и имена.

Это участіе св. Николая въ чудѣ перенесенія далеко не случайно. Самое древнее свидѣтельство, какое мы имѣемъ объ св. Николаѣ есть чудо *избавленія* изъ темницы трехъ неповинныхъ воеводъ императора Константина, восходящее къ VII вѣку⁴⁾. Это чудо, вошедшее въ житіе, написанное Метафрастомъ, есть едвали не самое распространенное въ древней рукописной литературѣ и византійской и русской⁵⁾. Начало его— „Ἐν τοῖς ἰατροῖς τῆς βασιλείας“. Однажды Константинъ Великій заподозрилъ трехъ своихъ воеводъ въ измѣнѣ и

¹⁾ Разысканія, III, стр. 18.

²⁾ Ibid., стр. 7.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Фабрицій т. X.

⁵⁾ См. Lamb. т. VIII, стр. 376, id. IV, 122; у г. А. А. въ *Тр. Е. Д. Ак.* 1873, XII, 243 прим.

заключилъ ихъ въ темницу, но св. Николай, знавшій ихъ невинность, явился императору во снѣ, и убѣдилъ его отпустить ихъ.

Въ мѣсяцесловѣ императора Василия ¹⁾ приведено это чудо, но рядомъ съ нимъ мы видимъ въ краткомъ изложеніи другое, весьма схожее, гдѣ не упоминается имени императора Константина, такъ что изложеніе чуда о трехъ воеводахъ начинается словами: „καὶ ἄλλοις πάλιν ἐλοιδωρήθησαν ἄλλοι τρεῖς“. Судя по этому можно предположить, что кромѣ намъ известнаго чуда о трехъ воеводахъ существовало и другое, не приуроченное однако къ имени императора Константина. По самому своему замыслу это чудо является весьма древнимъ: христіане еще въ эпохи гоненія привыкли молиться объ освобожденіи ихъ или родственниковъ изъ тюремъ гонителей „Les délivrances miraculeuses de prison, говоритъ Ренанъ, étaient un des thèmes les plus ordinaires des miracles apostoliques“ ²⁾. Изъ длиннаго ряда такихъ чудесъ освобожденія, принадлежащихъ св. Николаю, для насъ является особенно важнымъ, при сопоставленіи свв. Георгія и Николая, чудо: „о нѣкоемъ Срацининѣ его же избави св. Никола отъ узъ и темницы со св. Георгіемъ“ ³⁾. Нельзя также не вспомнить чудо о слугѣ, потерявшемъ золото ⁴⁾, такъ близко напоминающее чудо св. Георгія о Теонистѣ. Итакъ, если мнѣ удалось показать, что чудеса перенесенія или освобожденія изъ вражяго плѣна присущи св. Николаю по существу, то это только подтверждаетъ мысль о томъ, что условія, при которыхъ развивались легенды о свв. Георгіи, Θεодорѣ, Никитѣ и Николаѣ были схожи между собой. Но до сихъ поръ мы рассматривали сходство чудесъ этихъ святыхъ только со стороны внѣшней, а между тѣмъ аналогія ихъ типовъ имѣетъ внутреннее, такъ сказать психологическое значеніе.

А. Н. Веселовскій указалъ уже на тотъ историческій смыслъ, какой должны были придавать чуду умерщвленія змѣя христіане того времени, когда Византія постоянно находилась въ борьбѣ съ наплывомъ варварскихъ языческихъ народовъ: „Эллинскій міръ, говоритъ онъ, боровшійся въ Малой Азіи съ Сарацинами, воспѣвавшій своихъ эпи-

¹⁾ Menologium Basilii imperatoris, Μηνι δεκαμῆριον.

²⁾ Saint Paul p. 152.

³⁾ Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малознакомыхъ памятникахъ *Средневѣковаго* т. III, стр. 7—19 тоже въ первопечатномъ житіи св. Николая, Москва 1640 г.

⁴⁾ Посмертныя чудеса св. Николая, арх. Леонидъ 41. *Памятники Древней Писменности*, 1888 г. LXXII.

ческих бойцев Дигениса Акрита и Армури долженъ былъ питать особое уваженіе къ святымъ, побѣдно отражавшимъ змѣнную силу, спасавшимъ отъ вражьяго плѣна“ ¹⁾). Относительно собственно Ликии имѣемъ извѣстія, что населеніе ея было искони воинственно, что оно подобно вообще горнымъ племенамъ, гдѣ самая природа представляетъ удобныя мѣста для обороны, мужественно отстаивало во всѣ времена свою родину, начиная отъ персидскихъ завоеваній и кончая XI вѣкомъ, когда она наконецъ была окончательно разворена арабами ²⁾). Такимъ образомъ весьма понятна общность въ этомъ отношеніи свв. Георгія и Николая: въ прологѣ XIV вѣка говорится про св. Николая, что онъ „змиа оумртва оугнѣздившася подъ нѣкиимъ селомъ пакости дѣюща“ ³⁾), въ малорусской сказкѣ св. Николай также является помощникомъ молодого купца противъ змѣя ⁴⁾). Поборникомъ христіанства противъ язычниковъ св. Николай выступаетъ въ словѣ о его житіи, изданномъ Ключевскимъ ⁵⁾); такимъ же образомъ онъ выступаетъ противъ языческаго флота, посягнувшаго на святыню его мощей, какъ это разказывается въ хроникѣ Теофана ⁶⁾). Къ этому же роду чудесъ нужно, конечно, отнести и чудо о Христофорѣ попѣ, гдѣ св. Николай, явись на мольбы Христофора, останавливаетъ мечъ язычника, въ ту минуту, какъ этотъ послѣдній собирался отрубить Христофору голову ⁷⁾).

Такъ слагалась апокрифическая легенда подѣ влияніемъ историческихъ условій: находясь въ постоянной вооруженной борьбѣ съ язычествомъ и съ арабскими завоевателями, христіане увлекали своихъ святыхъ на поле сраженія. Но рядомъ съ этой внѣшней политической борьбой шла другая столь же упорная борьба, борьба простого народа, хлѣбопашца, съ природой, и въ этой области христіанскимъ святымъ надо было явиться помощниками и защитниками простого народа. Наступала весна, начинались сельскія полевныя работы, и народъ молился святымъ, которыхъ праздники были приурочены къ этому времени, о помощи въ его сельскомъ трудѣ. Рядомъ съ этимъ старыя языческіе весенніе праздники замѣнялись христіан-

¹⁾ Раз. III, стр. 19

²⁾ *Texier, L'Asie Mineure. Licie. Шляпкина, Русское поученіе XI вѣка.*

³⁾ Рук. Имп. Публ. Биб. Прологъ *Поюдына* л. 170,

⁴⁾ Труды Этн. Эксп. *Чубинскаго*, т. IV, сказки стр. 27.

⁵⁾ Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ, стр. 453.

⁶⁾ *Theophanes, ed. de Boor t. I, стр. 483 изд. 1883 г.*

⁷⁾ Посмертныя чудеса св. Николая, арх. *Леониды*.

скими и къ нимъ приурочивались обряды соотвѣтственныхъ старыхъ языческихъ празднествъ. О такомъ праздникѣ идетъ рѣчь и въ разбираемомъ здѣсь „иномъ житіи св. Николая“: „когда наступило время Руссалій (τῶν Ῥοσσαλίῶν) предка нашего святого Николай пошелъ въ митрополию на соборъ (σύνδοκος)* ¹⁾. Извѣстіе объ существованіи этого праздника Руссалій въ Ликии, и, притомъ, связаннаго съ именемъ св. Николая, имѣетъ для насъ двоякую важность. Праздникъ этотъ г. Томашекъ ²⁾ относитъ къ срединѣ мая, то-есть къ весеннимъ праздникамъ. Название его еще Миклошичъ вывелъ изъ латинскаго слова „dies rosarum“, то-есть, праздника розъ, праздника въ честь весенняго пробужденія природы. Такимъ образомъ мы видимъ, что имя св. Николая является связаннымъ съ *весеннимъ* праздникомъ, какъ раньше видѣли смутные намеки на подобный же праздникъ св. Георгія и соотвѣтственный обрядъ принесенія ему въ жертву воловъ. Такая аналогія между отдѣльными мѣстами житія особенно важна въ соединеніи съ широкой распространенностью весеннихъ праздниковъ этихъ святыхъ въ славяно-русскомъ мірѣ.

Но есть другая сторона дѣла. Какъ извѣстно, 9 мая существуетъ праздникъ въ честь перенесенія мощей св. Николая въ Бари. Въ связи съ извѣстіемъ о существованіи и раньше праздника св. Николая въ Мирахъ около того же времени невольно возникаетъ мысль: не повліяло ли приуроченіе стараго праздника на новый въ честь перенесенія мощей его? Съ этимъ вопросомъ мы переходимъ въ область морскихъ чудесъ св. Николая и той роли, какую играли Мира на водномъ пути между Константинополемъ, Александріей и Антиохією.

II.

Распространенность и глубокая древность морской славы св. Николая нѣсколько разъ наводила на мысль изслѣдователей—не унаслѣдовалъ ли св. Николай свою морскую славу отъ древне-греческихъ боговъ: „man ihn heufig als Nachfolger des Poseidon bezeichnet hat, dessen Amt freilich nur theilweise auf ihn uebergegangen ist“ говоритъ о св. Николаѣ Бернгардъ Шмитъ ³⁾. Разсмотрѣть послѣдовательную замѣну древне-греческихъ культовъ христіанскими, конечно,

¹⁾ Тр. К. Д. Ак. 1873. XII.

²⁾ *Sitzungsberichte der Wiener Akademie* 60 B. S. 369.

³⁾ *Volksleben der Neugriechen*, p. 37.

весьма важно для объясненія сложнаго и запутаннаго пути установленія этихъ послѣднихъ, но относительно св. Николая, не выходя на опасный путь обобщеній и предоставивши этотъ вопросъ людямъ болѣе начитаннымъ въ вопросахъ фольклора, я остаюсь на ликійской почвѣ. Мы уже видѣли, что въ до христіанскую пору въ Ликии были развиты культы Аполлона и Діаны и связанный съ ними мифъ Латоны ¹⁾. Въ житіи св. Николая имя Артемиды связывается съ языческимъ храмомъ, разрушеннымъ имъ, и это имя устойчиво держится во всѣхъ спискахъ и редакціяхъ житій св. Николая. Борьба съ ней не ограничилась разрушеніемъ храма, и „злой духъ, живущій въ Артемидинѣ храмѣ ²⁾“, стремился оскорбить его мощи;“ нѣкоторымъ богобоязненнымъ мужамъ, плывущимъ отъ рѣки Танаисъ, явился демонъ въ образѣ жены и попросилъ ихъ, прикрываясь ложнымъ благочестіемъ, влить масло, которое онъ дастъ имъ, въ лампаду у мощей св. Николая. Мореплаватели эти согласились и взяли масло. Но когда они были въ открытомъ морѣ, случилась буря; тогда предсталъ предъ ними св. Николай и велѣлъ имъ вылить масло, данное имъ женщиной, въ море. Когда они это сдѣлали, буря стихла, а масло зашипѣло адскимъ огнемъ. Въ этомъ чудѣ св. Николай какъ бы изобличаетъ демона Артемиду и наноситъ ей послѣдній ударъ. Можетъ быть онъ именно на морской почвѣ встрѣчается съ ней, чтобы изобличить ея безсиліе рядомъ съ своей силой надъ моремъ. Остается узнать пользовалась ли Артемида славой помощницы на водахъ и укротительницы бурь? Если это такъ, то, конечно, св. Николай явился ея замѣнителемъ на морской почвѣ.

Собственно на ликійской почвѣ мы не имѣемъ, кромѣ этого чуда, никакихъ извѣстій о морской дѣятельности Артемиды и понять ее въ этомъ смыслѣ можно только обобщивъ съ Пелешей-Велешей Троянскихъ Дѣяній „ея же пророчицу порипахоу иже обладаше волшебніемъ морскими волнами“ ³⁾. Пелеша эта въ Троянскихъ Дѣяніяхъ играетъ ту же роль, что и Артемиды у Гомера, она не даетъ греческому флоту двинуться дальше и требуетъ себѣ жертвы. „При общемъ взглядѣ нашей повѣсти на боговъ, какъ на пророковъ и волхвовъ, на богинь какъ на вилъ, говоритъ объ этомъ мѣстѣ Троянскихъ Дѣяній А. Н. Веселовскій, буря, поднимаемая Діаной, была обобщена

¹⁾ Texier, L'Asie Mineure p. 665.

²⁾ Печатная Четъя Миней, Migne t. 116. Metafrastes.

³⁾ Ликия, Очеркъ лит. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ стр. 310.

и богинѣ вѣнчена особая власть надъ волнами и вѣтромъ. Это объяснило бы намъ отчасти и названіе моря Пелешинымъ, еслибы самое имя Пелеша Фелеша=Діана было ясно¹⁾. Но объясненіе этого имени Пелеша, данное А. Н. Веселовскимъ не имѣетъ ничего общаго съ Діаной. Такимъ образомъ источники морской народной славы св. Николая едва ли скрываются въ дебряхъ ликійскаго культа Артемиды.

Возвращаясь къ тому же „иному житію“, мы находимъ тамъ весьма пространное описаніе путешествія св. Николая ко Гробу Господню. Это описаніе тоже носитъ мѣстный ликійскій характеръ по изобилію названій разныхъ мѣстностей. Оно также сопряжено съ морскимъ чудомъ и потому возникаетъ вопросъ, не лежитъ ли въ основаніи морской славы св. Николая его паломничество? Еслибы „иное житіе“ не было бы заподозрѣно въ своей исторической вѣрности въ средѣ самихъ теологовъ, то конечно не пришлось бы относиться съ такимъ недоувѣріемъ къ сообщаемымъ ими фактамъ. Сравнивая это описаніе съ пересказомъ его у Метафраста²⁾, не трудно замѣтить, что источникъ ихъ одинъ и тотъ же. Только Метафрастовъ пересказъ утратилъ мѣстный ликійскій характеръ, утратилъ длинное перечисленіе разныхъ географическихъ подробностей, какія мы находимъ, какъ всегда въ „иномъ житіи“.

Это сказаніе не имѣетъ однако мѣста ни въ панигирикахъ Андрея Критскаго и патріарха Мееодія, ни въ *Legenda Aurea*. Такимъ образомъ оно не составляетъ неотъемлемой принадлежности житія св. Николая и потому едва ли могло играть особенно выдающуюся роль въ установленіи морской славы св. Николая. Я не берусь, по небольшому сравнительно запасу фактовъ, какой мы имѣемъ относительно св. Николая, дѣлать выводы о томъ, какимъ образомъ слагалось это сказаніе и что въ немъ принадлежитъ исторической правдѣ.

Итакъ, отстраняя вопросъ объ источникахъ морской славы св. Николая, я постараюсь однако выяснить тѣ историческія и географическія условія, въ которыхъ ей было всего легче создаться. Правда мы имѣемъ только весьма общія свѣдѣнія о сношеніяхъ Константинополя съ Александріей и Антиохіей, мы только знаемъ о существованіи такой торговли, но точный путеводитель этихъ торговыхъ судовъ намъ неизвѣстенъ, кромѣ пзвѣстія о куп-

¹⁾ *Веселовскій*. Изъ исторіи романа и повѣсти II, стр. 34.

²⁾ *Migne*, t. 116. Vita S. Nicolai.

пахъ венеціанскихъ и барійскихъ, посѣтившихъ Миры въ XI вѣкѣ и вывесшихъ мощи св. Николая ¹⁾. Однако можно собрать кое-какіе факты по этому поводу. Частое и устойчивое упоминаніе купцовъ антиохійскихъ, александрійскихъ и венеціанскихъ въ чудесахъ св. Николая служатъ довольно вѣрными показателями того, какіе именно корабли сходились въ Миры. Извѣстіе это фактически подтверждается еще въ очень древнюю пору. Св. апостолъ Павелъ, въ своихъ путешествіяхъ два раза приставалъ къ берегу Ликіи, не имѣя однако цѣли тамъ проповѣдывать, то въ Потарахъ, то въ Мирахъ заставлялъ корабли, плывущіе въ Антиохію ²⁾ или идущіе съ хлѣбомъ въ Италію изъ Александріи ³⁾. Въ связи съ этими фактами особенно интересенъ разказъ о Русаліяхъ св. Николая въ Мирахъ. Во многихъ чудесахъ упоминается, что мореплаватели спѣшили на праздникъ св. Николая въ Миры ⁴⁾. Едва ли это зимній праздникъ 6 декабря. Припомнимъ еще и то, что Миры были весьма поздно объявлены главнымъ городомъ Ликіи: только съ VIII вѣка ⁵⁾, времени высшаго развитія славы св. Николая. Припомнимъ, наконецъ, уже слишкомъ сильное соревнованіе между барійскими и венеціанскими купцами имѣть у себя мощи св. Николая ⁶⁾, и тогда намъ станетъ ясно, почему имъ непремѣнно хотѣлось возстановить праздникъ въ маѣ св. Николая. Стеченіе народа въ Мирахъ на праздникъ, конечно, было источникомъ большихъ доходовъ для города и на эти то выгоды, и позарились итальянскіе купцы.

Особенно важна въ этомъ отношеніи также церковь въ честь свв. Приска и Николая, бывшая въ Константинополѣ противъ Влахернъ еще въ VI вѣкѣ. Г. Кондаковъ ⁷⁾, описывая ея мѣстоположеніе на берегу моря, высказалъ предположеніе, что чтившіе св. Николая мореплаватели поставили церковь въ томъ мѣстѣ. Мнѣ кажется маловѣроятнымъ, что въ такую древнюю пору, какъ VI вѣкъ, уже настолько развитъ былъ морской культъ св. Николая; къ тому же имя

¹⁾ *Hayd*, Le commerce du Levant..

²⁾ *Renan*, S. Paul, p. 504.

³⁾ Дѣянія Апостоловъ, XXVII, 37.

⁴⁾ Посмертныя чудеса св. Николая ар. *Леониди*, стр. 33.

⁵⁾ *Texier*, L'Asie Mineure. Муге.

⁶⁾ *Шляпкинъ*. Русское поученіе XI вѣка на праздникъ перенесенія мощей св. Николая. С.-Пб. 1881.

⁷⁾ Византійскія церкви и памятники Константинополя стр 43. въ *Трудахъ VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ*, т. III, Одесса, 1887.

св. Приска было бы излишнимъ въ такомъ случаѣ. Всего правдоподобнѣе предположить, что церковь эта была поставлена Юстиніаномъ не въ честь нашего св. Николая, а въ честь свв. мучениковъ Приска и Николая, какъ на это указываютъ старія греческія мины: „*tam contra Falconium quam contra Cangium aliosque certum est, Iustinianaeam illam aedem neque s. Nicolao uni ex XL Martiribus, neque s. Nicolao Myrensi Antistiti fuisse nuncupatam, sed duobus sanctis Martiribus Prisco et Nicolao, quorum in Menaels Graecorum disersa sit mentio ad diem VII Decembris*“ ¹⁾ говоритъ Ассемани; того же мнѣнія и архимандритъ Сергіѣй ²⁾. Впослѣдствіи, очень можетъ быть, и были забыты святые, въ память которыхъ поставлена церковь, такъ что патрономъ ея, по крайней мѣрѣ во мнѣніи народа, могъ стать болѣе извѣстный св. Николай Мирликійскій, и моряки передъ отплытіемъ въ море, молясь въ этой церкви, легко могли молиться именно нашему св. Николаю. Кромѣ того при существованіи праздника, какъ разъ на полпути между Константинополемъ и Антіохіей, городъ и святой его легко могли сдѣлаться популярными среди моряковъ и купцовъ. Въ бухтѣ противъ города „*Macri*“ въ сѣверо-западной части Ликіи лежалъ островъ „*San Nicolo*“ ³⁾. Весьмо интересно было бы знать, когда возникло это имя?

Въ печатномъ прологѣ ⁴⁾ есть чудо „*ш* моужѣ оутопшемъ въ морѣ“ связанное съ древней церковью св. Николая въ Константинополѣ и потому весьма интересное съ исторической точки зрѣнія. „Моужѣ нѣкоторый“ изъ Константинополя „въ иную страну ити помысливъ работы ради нѣкіа, и пришедъ къ церкви стѣшъ помолиса по обычаю“. Когда онъ былъ въ открытомъ морѣ, случилась буря. Корабль потонулъ и ему грозила опасность. Но, имѣя вѣру въ св. Николая, путникъ сталъ молиться ему. Не успѣлъ онъ произнести молитвы, какъ очутился въ своемъ домѣ, мокрый отъ морской воды. Интересно въ этомъ чудѣ то обстоятельство, что здѣсь совсѣмъ не говорится о другихъ морскихъ чудесахъ св. Николая, и упоминается въ началѣ чюдеса *перенесенія* свв. Георгія и Феодора. Не употребляется и обыкновенная формула: „и приде скорый на помощь св. Никола, по морю

¹⁾ *Kalendaria ecclesiae universae*, V, p. 480.

²⁾ *Полный Мѣсяцесловъ Востока*, т. II, стр. 323.

³⁾ *Texier*, *L'Asie Mineure* p. 670.

⁴⁾ Печатный прологъ 1817 г., 6-го декабря.

хождаше яко по суху¹⁾, которая употребляется почти во всѣхъ позднѣйшихъ чудесахъ св. Николая и создала народное представленіе о святомъ, бродящемъ по морю и спасающемъ погибающихъ.

Въ этомъ чудѣ св. Николая церковь не названа его именемъ, такъ что остается угадывать, чья эта церковь; почти тоже чудо приведено арх. Леонидомъ въ посмертныхъ чудесахъ св. Николая: „чѣмъ именемъ Димитръ, его же избави изъ самоа глубины морьскыя и посади его въ клѣти его“²⁾. Здѣсь находятся весьма интересныя подробности: „чѣмъ бѣ нѣкто живой въ константиѣ градѣ въ мѣстѣ нѣкоемъ Елеоуферни именемъ Димитрій, имѣа и вѣроу твердоу и надежю къ стѣмоу Николѣ. вземъ на прѣчѣе и преславное празднѣство свѣци и масла и вса ѣже на потребуу соутъ праздникоу стѣмоу Николѣ. пошедшимъ же имъ на кораблии ѿ славнаго града Константина къ иному градуу именемъ Анфоуратоу бѣ бо стѣа цркви въ томъ градѣ да тамо по вса лѣта исхожаше сеи мужъ вѣрный къ стѣму Николѣ“. Самымъ интереснымъ тутъ является извѣстіе объ праздникѣ св. Николая и посѣщеніи его, но названія мѣстъ на столько искажены, что узнать ихъ весьма трудно; какъ бы то ни было, оно является дополненіемъ вышеупомянутому чуду.

Итакъ, вотъ какова была обстановка, при которой создалась и возрасла морская слава Николая Чудотворца: богомольные мореплаватели привыкли молиться въ церкви св. Николая противъ Влахернъ передъ отплытіемъ въ дальній путь. Идя же съ юга, они привыкли заходить въ Миры на поклоненіе мощамъ св. Николая на праздникъ Русалій. Послѣ такихъ молитвъ, если имъ случалось спастись отъ опасностей морскихъ волнъ, кому же было спасти ихъ, какъ не святому, надъ мощами котораго они недавно молились.

Мы до сихъ поръ слѣдили за легендой св. Николая по тремъ главнымъ стадіямъ ея развитія: мы видѣли, какъ историческія условія и паралельныя легенды другихъ святыхъ увлекли св. Николая на путь борьбы съ язычествомъ и вѣчно напиравшимъ на Византію хищническимъ Востокомъ, мы видѣли, какъ спустившись до простого народа и войдя въ несложную и непосредственную область его интересовъ легенда св. Николая приобщилась мировому весеннему празд-

¹⁾ Посмертныя чудеса св. Николая арх. Леонида ч. I „зрѣще Никола червѣтъ близъ корабля идоуща стѣа Николѣу великаго чудотворца по морю идоуща яко по суху“, стр. 2.

²⁾ Ibid., стр. 33.

нику, которому одинаково рады всѣ простолюдины всѣхъ временъ и всѣхъ народностей. Но, не останавливаясь, легенда развивалась все дальше и дальше, захватывая всѣ отрасли человѣческихъ потребностей и широкое свое развитіе, свою типическую самостоятельность она приобрѣла перейдя на путь борьбы съ морской стихіей. Въ этой новой сферѣ своихъ благодѣяній св. Николай въ представленіяхъ народа приобрѣталъ всѣ болѣе и болѣе законченный образъ, пока не нашелъ своего наиболѣе типически законченнаго изображенія въ известномъ чудѣ о Синагриѣ царѣ ¹⁾. Здѣсь онъ является тѣмъ „нищелюбцемъ, страннопріимцемъ“ вѣчно трудящимся для насущной, непосредственной пользы народа, далекимъ отъ ученыхъ и непонятныхъ простому народу выводовъ теологической науки, тѣмъ вѣчнымъ странникомъ и труженикомъ, какимъ его любятъ и цѣнятъ простой народъ и какимъ изобразила его известная сербская пѣсня: всѣ святые сидятъ около стола, пьютъ во славу Христову, Никола вдругъ задремалъ и на вопросъ Громовника Ильи, почему онъ дремлетъ, отвѣчаетъ:

„Не крај ме Громовникъ Илија
Мало тренух, чудан сонак усних:
Навезе се триста колуѣра
Навезе се у то сине море,
Прилог носе Светој гори славној:
Жута воска и б'јела тамњана;
Дигоше се вјетри до облака
Ударише по мору талоси,
Да с'потопа триста колуѣра;
У глас викну триста колуѣра:
„Помој' Боже и свети Никола!
„Бе си гође, да си сада овђе!
А ја одох те их потпомогах;
Извези ее триста колуѣра
Извезе се здраво и весело,
Однесоме прилог Светој гори:
Жута воска и б'јела тамњана.
У томе се мене задријема,
Те ја чашу из руке испустих“ ²⁾.

¹⁾ Рукопись Импер. Публичной Библиотеки Q. I, № 862 id; сообщено А. Н. Веселовскимъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1888 г. III.

²⁾ Караджичъ, Сръпске народне пјесме II стр. 100. Тотъ же мотивъ встрѣчается, и въ волоочобныхъ пѣсняхъ Бѣлорусіи. см. Бѣлорусскій Сборникъ Романова, томъ II, стр. 448 и слѣд.

Такой законченный образъ святителя, помощника на водахъ, со-
здался въ народномъ воображеніи конечно не сразу: мы должны
предположить раньше длинный рядъ представлений, предшествовав-
шій его созданію. Начало же этого образа едва-ли не кроется,
какъ я старался указать, въ географическихъ условіяхъ культа на-
шего святого.

Не безинтересно будетъ, быть можетъ, указать здѣсь на нѣко-
торую аналогію легенды о св. Николаѣ съ легендой другого святого
на другомъ концѣ европейскаго материка. Слава архангела Ми-
хаила, перешедшая изъ Италіи въ Нормандію старалась пріуро-
читься къ мѣстности, которая напоминала бы знаменитый Монте
Горгано. Такимъ мѣстомъ и оказалась гора во внутреннемъ углу
Нормандскаго залива, называемая теперь Mont S. Michel. Эта гора
выступаетъ въ море и только узкій и низкій перешеекъ соединяетъ
ее съ материкомъ. Здѣсь была издревле, еще въ IX вѣкѣ, церковь ар-
хангела Михаила, привлекавшая много паломниковъ. Только во время
отлива можно было проникнуть къ церкви по этому перешейку; „in
periculo maris справедливо назвали эту церковь въ отличіе отъ дру-
гихъ“ ¹⁾. Когда богомольцы съ опасностью жизни пробирались эти три
мили, кому жъ какъ не архангелу Михаилу было спасти ихъ. „Эти-
то путешествія приросли къ народной традиціи, они живы еще до
сихъ поръ въ остаткахъ пѣсни о Михаилѣ, которыя въ наши дни
были записаны со словъ народа на Рейнѣ“ ²⁾. И вотъ какимъ обра-
зомъ создалась легенда объ архангелѣ Михаилѣ, спасителѣ на во-
дахъ, какимъ его изображаетъ одна нѣмецкая пѣсня. „Послѣ того
какъ ангелъ построилъ свою церковь, онъ прилегъ и заснулъ; на-
прасно дважды зоветъ его голосъ Бога, только на третій разъ про-
сыпается онъ, чтобы исполнить, то что ему говорятъ:

O heiliger Man Sanct Michel
Wie übel hast Du g'hut,
Dass Du einen Pilger
Liessest morden durch die Fluth ³⁾.

Морская легенда о св. Николаѣ распространилась по всему за-
паду Европы и приняла особенно интересное развитіе въ Германіи,
гдѣ встрѣтилась съ нѣмецкимъ образомъ „Wassermann'a, Nixhus,

¹⁾ *Gothain*. Die Kulturentwicklung Süd-Italiens, стр. 106.

²⁾ *Ibid*.

³⁾ *Ibid*. стр. 108.

Nicor, Nicker, Necker, Nix¹⁾). Въ цѣль этого очерка не входитъ изслѣдованіе легенды св. Николая въ западной Европѣ, и я укажу только на интересную статью г. Цингерле въ *Zeitschrift für Volkskunde* въ прошломъ году. Близость этихъ двухъ народныхъ представлений—св. Николая съ одной стороны и Никора съ другой, доходитъ до полнаго сліянія: посохъ епископа у одного и палка съ крючкомъ у другого, св. Николай сидитъ на бѣлой лошади съ стеклянными ногами, а морское чудище само изображается часто лошадью. Г. Цингерле указываетъ, что лошадь вообще часто является атрибутомъ морского божества, какъ у Посейдона²⁾). Никсъ также ѣздитъ верхомъ на бѣлой лошади, какъ и св. Николай³⁾).

Морской культъ св. Николая отразился и у романскихъ народовъ: „французскіе рыбаки пугаютъ своихъ ребятъ, когда они поздно гуляютъ по берегу, чудовищемъ, которое разорветъ ихъ своими когтями; имя ему Saint Nicolas. Съ другой стороны позволено предположить, что отзвукъ имени и морского культа св. Николая сохранился въ имени героя сицилійской легенды, отразившейся въ балладѣ Шиллера: „Der Taucher“—Nicola Pesce⁴⁾). Въ Швабін дѣтей пугаютъ на берегу моря Wassermann'омъ⁵⁾). Такимъ образомъ морской культъ св. Николая сдѣлалъ его въ концѣ концовъ самого морскимъ чудищемъ, и въ верхней Австріи существуетъ обрядъ, по которому мельники въ Николинъ день бросаютъ разныя вещи въ воду, чтобы умилостивить на весь годъ водяное божество⁶⁾). Г. Цингерле въ концѣ статьи обѣщаетъ дать новыя доказательства сліянія св. Николая съ Никусомъ⁷⁾ въ особомъ очеркѣ, который онъ хочетъ посвятить этому вопросу.

Чтобы не возвращаться болѣе къ культу св. Николая въ западной Европѣ, я укажу къ ряду еще одинъ путь, по которому развивалась тамъ его легенда. По всей Германіи Николинъ день есть по преимуществу праздникъ дѣтей, и самъ св. Николай является покровителемъ дѣтей. Онъ обыкновенно смѣшивается въ этой своей

¹⁾ *Zeitschrift für Volkskunde*. II Band, 11 Heft, Ignaz v. Zingerle. S. Nicolaus.

²⁾ Ibid. 411.

³⁾ Ibid. 413.

⁴⁾ *Журн. Мин. Народн. Просв.* часть CCLXVIII, отд. 2, стр. 2, статья А. Н. Веселоскаго.

⁵⁾ Тамъ же, статья Цингерле, стр. 416.

⁶⁾ Ibid., стр. 416.

⁷⁾ Ibid., стр. 420.

новой дѣятельности съ Рупрехтомъ и является съ нимъ вдвоемъ, чтобы наказать злыхъ дѣтей и одарить хорошихъ. О дѣтскомъ культѣ св. Николая въ Германіи собрано много свѣденій г. Шнеллемъ ¹⁾. Въ Николинъ день нѣмецкіе дѣти ставятъ свои башмаки на ночь и ждутъ, что туда св. Николай положитъ имъ подарки. Это обыкновеніе приводитъ и г. Цингерле въ упомянутой уже статьѣ. Онъ объясняетъ его опять-таки изъ водного культа св. Николая: „я принимаю, говоритъ онъ, башмаки за символъ лодки или корабля, такъ какъ корабль и башмакъ образы близкіе. Меня подтверждаетъ въ этой мысли то, что Wassergmann появляется часто сапожникомъ“ ²⁾. Далѣе онъ и приводитъ нѣсколько примѣровъ народныхъ сказокъ, гдѣ Никсъ точаетъ башмаки. Аналогично этому объясняетъ Цингерле и изображеніе св. Николая съ кадкой, откуда торчатъ три молящіеся мальчика: „Когда вспомнишь, пишетъ онъ, что души изображаются дѣтьми, горшки Wassergmann'a (гдѣ онъ держитъ души утопленниковъ) оказываются соответствующими жбану или кадкѣ съ молящимися дѣтьми св. Николая“ ³⁾.

Всѣ эти сближенія г. Цингерле безусловно весьма интересны съ точки зрѣнія скрещиванья сказаній о св. Николаѣ съ сказаніями о водяныхъ Никсахъ и Wassergmann'axъ, но прослѣдить взаимодѣйствіе этихъ образовъ, конечно, не входитъ въ мою задачу. Образы эти могли на столько сплестись, что атрибуты одного переходили на атрибуты другого и столь же часто встрѣчались другъ съ другомъ. Такъ, напримѣръ, должно именно было быть съ башмаками св. Николая и Никсовъ; въ этомъ объясненіи Цингерле, вѣроятно, весьма близокъ къ истинѣ. Что же касается до кадки съ молящимися дѣтьми, то это представленіе взято народомъ прямо изъ одного чуда св. Николая. Я приведу его здѣсь цѣликомъ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки; оно должно быть отнесено къ чудесамъ, совершеннымъ нашимъ святымъ при жизни, и потому очень можетъ быть и входило въ какія либо житія его намъ неизвѣстныя. Вліяніе его на иконопись не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Чудо стаго Николаа ш двухъ младенцѣ идущихъ до Аѳинъ ⁴⁾.

¹⁾ *Eugen Schnell*. Sancti Nicolai der heilige Bischof und Kinderfreund, sein Festung, seine Gaben.

²⁾ Тамъ же, статья *Цингерле*, стр. 415.

³⁾ *Ibid.*, стр. 411.

⁴⁾ Рукопись Императорской Публичной Библіотеки, Q. I, № 79.

„Воедино время два мѣнца бѣгородный и богатствомъ извошбилую-
щій идоша до Аонїи совершенныя премудрости изучитиса. Впрѣ хо-
тяще видѣти стѣла хрѣтова Николаа и бѣгословеніе прїати, прїидоша
во градъ Миръ идѣше стѣтель хрѣтовъ Николаа прѣтолъ свой пра-
ваше и по шбычаю града того в гостинной шбители шблегоста. Іѣко
да оутруждѣшимса имъ тѣлеси своему дадутъ шслабу. Началствую-
щій же дому гостиннаго видѣ ихъ имущій много злата началникомъ
всего зла искони діаволомъ наоученъ оуби шныа младенцы и тѣлеса
ихъ на части рѣдробилъ, и вложи а всосѣ и солію шсоли. В тоже
время нависа агѣлъ гдѣнь стѣлю хрѣтову Николаю извѣщаа ему ш со-
творенномъ зломъ дѣле ѿ гостинника над мѣнцы. Абїе иде вдошъ
его и пришедши глѣтъ гостиннику: безумне діаволомъ наоученный,
что сотворилъ еси мѣнцемъ, коеа ради вини оумертвилъ еси ихъ?
Что ти согрѣшиша какову ти злобу содѣваша? Злата ли ради тѣ-
леснаго сіе сотворилъ еси оубійство? Не вѣси ли іако Бѣъ оубійцамъ
судїа естъ? И сеа множайшаа словеса к нему изрекши ста стѣтель
хрѣтовъ на мѣтвѣ ш онѣхъ оубїенныхъ прилѣжнее, Гдѣ Бога мола
іако да шживотворит ихъ. Поскончанїи же молитвенномъ повелѣ
стѣи гостиннику показати ему оный сосудъ со оубїенными. Егда же
оузрѣвъ оубїенныхъ в сосудѣ воздохнувъ и помолиса ш нихъ
іако да шживотворатся, и абїе восташа оубїеннии, и бысть страхъ
на всѣхъ врацнхъ сіе чудо преславное. Злато же запрети гостин-
нику ѿдати штрокомъ: шниже вземше злато пондоша на торжище
и купиша свѣщы, и вземше пондоша въ црѣковь бѣгодараще стѣго
іако прїаша ѿ Бѣа молитвами его таковую блатъ ш животѣ своемъ.
Ишвѣратшаса радующеса и благодараше сотворшаго ихъ: пондоша
в пѣ свой. Оубійца же шный прїиде в чуйство и покааса по на-
казанїи стѣго плачущиса и жалѣющи ш содѣваннѣ грѣсѣ и тако
спасеса мѣтвами стѣла хва чудѣворца Николаа“.

Очень можетъ быть, что это чудо и легло въ основу сказанїа о
немъ, какъ о покровителѣ дѣтей подобно тому, какъ чудо „о трехъ
дѣвицахъ“, весьма распространенное въ рукописной литературѣ ¹⁾
повліяло на созданїе народной французской пѣсни, въ которой къ
нему обращаются молодыя дѣвушки:

Patron des filles Saint Nicolas
Mariez nous ne tardez pas ²⁾).

¹⁾ Посмертныя чудеса св. Николая, изданныя ар. *Леонидомъ*.

²⁾ *Bratton. Vie admirable de Saint Nicolas. Paris. 1859 г.*

Въ смыслѣ привязанности къ св. Николаю простого народа весьма интересно чудо „о трехъ иконахъ“. По нѣкоторой непосредственности и даже грубоватости стиля оно далеко отличается отъ прочихъ чудесъ св. Николая, получившихъ лучшую литературную обработку. Оно не принадлежитъ къ числу распространенныхъ въ древней письменности чудесъ и даже напротивъ попадаетъ довольно рѣдко. Пересказъ этого чуда сдѣланъ описателемъ 24 рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря ¹⁾. Недавно оно было издано арх. Леонидомъ вмѣстѣ съ прочими посмертными чудесами св. Николая ²⁾. Оно начинается слѣдующимъ образомъ: „При самодержцы Левѣнтѣи при патріарсѣ Афонасіи явилъ стѣмоу Николѣ архіерѣю мврскому старцоу боготѣвоу и нищелюбцоу страннопріимцоу именемъ Феѡфану, в видѣніи положуши и рече кмоу: Феѡфане, оубоудиса ѿ сна и вѣстани и иди къ иконописцоу Аггѣю и вели написати Спса Человѣколюбца Бѣа иже съза нѣбо и землю и море и рѣки и кити и вса пѣца парящая и съда человека по вбразу своему и по подобію и даде ему власть всѣмъ владати. Повели написати Прѣтоую и Бѣомѣрѣ Црцю нашу Бѣоу иже роди намъ Сна Человѣколюбца Бѣа и велѣ написати оугодника Спса и молебника о родоу христїаньстемъ стѣго Николоу Архїерея Мврскаго подобаетъ ми zde быти и яви писаніе патріарѣхоу и вселенскѣмоу собороу. Иди скоро не услышай мене вели написати: подобаетъ ми zde быти“ ³⁾. Феѡфанъ проснулся и поспѣшилъ исполнить то, что ему было сказано. Когда иконописецъ написалъ иконы, онъ пошелъ звать патріарха: „и моли Феѡфанъ патріарха съ вселенскимъ соборомъ, чтобы въ обители былъ блѣгивъ домъ“ ³⁾. Патріархъ согласился и тогда Феѡфанъ накупилъ брашна и вина, чтобы угостить патріарха. Въ назначенный день Патріархъ явился къ Феѡфану вмѣстѣ съ вселенскимъ соборомъ и, увидѣвъ эти три иконы, спросилъ Феѡфана: „и сію икону кто вбраз Мврскаго архіерѣя Николы написа, сей бо смердовичъ вбразъ есть“ ¹⁾ и велѣлъ вынести воиъ икону св. Николая. Передъ другими образами онъ отслужилъ молебенъ и принялся за трапезу. Феѡфанъ былъ очень опечаленъ судьбой, постигшей образъ Николая Чудотворца, онъ отнесъ его въ „кѣѣтъ и избра ѡт вселенскаго собора Крылошеннаго мужа нища но дѣовна и разѣоумъ на именемъ Калиста“, прося его отслужить молебенъ и передъ иконой св. Николая. Между тѣмъ

¹⁾ Лѣтопись археографической комиссіи в. III стр. 63.

²⁾ Посмертныя чудеса св. Николая.

³⁾ Рук. соч. Публ. Библ. Q. I. № 320, л. 450 и слѣд.

„патріархоу же веселоу бывшю и вселенскыи соборъ ликовствоваше“
недостало брашна и питія. Феофанъ не зная, что дѣлать и откуда
достать вина, сталъ молиться передъ иконою Николая чудотворца.
Его молитва не прошла даромъ, и св. Николай преумножилъ питіе
въ такомъ изобиліи, какого и раньше не было, и сдѣлалъ вино пре-
восходнаго качества. Патріархъ и вселенскій соборъ пили и хвалили
вино.

Наконецъ пиръ кончился и патріархъ отправился „въ домъ стѣй
Софѣи. Оутрезвившю емоу от вина пріиде к нему от веси
Гердальской от морского шстрова боляринъ именемъ Феодоръ“,
прося его причастить умирающую дочь. Патріархъ согласился, и
они отправились; но во время пути поднялась буря, и корабль, на
которомъ они ѣхали, затонулъ. Тогда они стали молиться Спасу и
его Богоматери, чтобы они спасли ихъ. Дѣйствительно явился ко-
рабль, но спасъ онъ только вселенскій соборъ, а патріархъ продол-
жалъ тонуть. Окончательно не зная, что ему дѣлать, патріархъ взмо-
лился наконецъ Николаю Чудотворцу, и „пріиде скоро на помощь
стѣй Никола и по морю ходите іако по соуху и приближися имъ
за роукоу патріарха и рече емоу стѣй Никола: „*чи надобенъ смердо-
вичъ въ помощехъ*“. Освободившись такимъ образомъ отъ опасности,
патріархъ, конечно, дѣлается ревностнымъ приверженцемъ св. Николая
Чудотворца, объявляетъ объ этомъ чудѣ, и дѣло кончается построе-
ніемъ церквы въ честь этого святого.

Въ другомъ спискѣ этого чуда, на который указалъ архимандритъ
Леонидъ, оно носитъ названіе: „чудо св. Николы о смиреніи его и о
высокоуміи патріарха Аеанасія“¹⁾.

Это чудо, сильно напоминающее чудо о Синагриппѣ царѣ, ните-
ресно въ связи съ именемъ императора Льва. Не задаваясь вопро-
сомъ преемственности между этими двумя чудесами, я останавлиюсь
только на эпохѣ, къ которой принадлежатъ чудо о трехъ иконахъ,
Мотивъ тутъ не такъ важенъ самъ по себѣ: мы уже видѣли условія
при которыхъ легенда о св. Николаѣ перешла на почву народную;
важно то, что мы можемъ прослѣдить, какъ отозвалась такая важная
эпоха, какъ эпоха иконоборства на интересующей насъ легендѣ.
Правда, въ только что изложенномъ чудѣ патріархъ названъ Аеана-
сіемъ, но при сходствѣ именъ Анастасій и Аеанасій легко могла
произойти такая ошибка. А при императорѣ Львѣ Исаврѣ патріархомъ
былъ именно извѣстный Анастасій Иконоборецъ.

¹⁾ Посмертныя чудеса св. Николая, I. с., стр. 56.

Очень можетъ быть, что почитаніе иконъ возрасло у простого народа подъ вліяніемъ гоненій на нихъ со стороны высшихъ классовъ. При склонности Грековъ къ чудесному, какъ на то указываетъ Финлей, легко возникали чудесныя исторіи, при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ. Что же удивительнаго, что эти особо чтимые у простого народа иконы оказались отмстителями за оскорбленіе ихъ святини, какъ въ нашемъ чудѣ. Интересно было бы поставить его въ связь съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ ему чудесныхъ разсказовъ, которые, вѣроятно, можно было бы разыскать въ памятникахъ старой письменности.

Финлей ¹⁾ приводитъ разсказъ о томъ, что въ молодости Льву Исаврину, когда онъ былъ еще Конономъ, приснился однажды сонъ. Чтобы понять его, онъ обратился къ двумъ жидамъ, которые напроорочили ему, что онъ будетъ византійскимъ императоромъ, но взяли съ него обѣщаніе произвести гоненіе на иконы. Этотъ разсказъ особенно интересенъ въ связи съ предположеніемъ Гиббона, что, „быть можетъ сношенія съ Арабами и Евреями“ ²⁾ сдѣлали его иконоборцемъ.

Чудо о трехъ иконахъ не единственное въ этомъ направленіи; есть еще два чуда иконъ св. Николая съ жидами, но въ этихъ чудесахъ иконы являются охранительницами имущества ³⁾. Ко всѣмъ этимъ чудесамъ намъ придется вернуться, говоря о развитіи народной русской легенды о св. Николаѣ, потому что всѣ эти три чуда перешли въ русскую народную сказку.

Итакъ мы видѣли еще одно историческое наслоеніе на легендѣ о св. Николаѣ. Послѣ этого она вполне закончена въ своей типической самостоятельности, чтобы, перейдя въ русскую жизнь, занять то особое близкое простонародному сердцу мѣсто, какое она заняла въ сказкахъ, легендахъ и даже былинахъ русскихъ.

III.

Уже въ XI вѣкѣ записаны три чуда св. Николая оригинальныя русскія, и мѣстомъ дѣйствія двухъ изъ нихъ даже является Кіевъ ⁴⁾.

¹⁾ History of Byzantien empire. v II, p. 26.

²⁾ Исторія упадка и разрушенія Римск. имперіи, т. V, 392.

³⁾ Рук. Импер. Публ. Библ. Q. I. 79 листы 7 и 8.

⁴⁾ Посмертныя чудеса святителя Николаа. арх. Леонидъ. Чудеса эти: „ш коврѣ, его же купивъ и паны возврати вселѣть“ стр. 10, „и нѣкоемъ дѣтищѣ“ стр. 48, „и Половчинѣ“ стр. 47.

Къ тому же времени относится установленіе двухъ праздниковъ въ честь этого святого (6-го декабря и 9-го мая). Архимандритъ Леонидъ соединяетъ съ установленіемъ этого послѣдняго праздника, въ честь перенесенія мощей св. Николая, и появленіе русскаго сборника житія и чудесъ его ¹⁾. Автора этого сборника онъ подозрѣваетъ въ Ефремъ-Каженикъ, одномъ изъ первыхъ постриженниковъ пр. Антонія, въ послѣдствіи митрополитъ кievскомъ ²⁾. Такимъ образомъ славу св. Николая на Руси можно считать вполне установившейся уже въ XI вѣкѣ: „приди на Роусь, говорится въ одномъ изъ чудесъ русской записи того же вѣка, и виждь яко нѣсь града ни села, идѣже не бѣша чудеса много оумножена сѣго Никола“ ³⁾. Прочности этой славы, конечно, немало способствовало и установленіе двухъ праздниковъ этого святого.

Я не буду слѣдить въ этомъ очеркѣ за развитіемъ канонической, церковной литературы о св. Николаѣ; я постараюсь прослѣдить, какое направленіе приняли развившіяся рядомъ съ ней въ понятіи простого народа апокрифическія вѣрованія, насколько онѣ отразились въ обрядахъ, пѣсняхъ, сказкахъ и пословицахъ. Многіе вопросы изъ этой области были уже нѣсколько разъ поднимаемы въ русской литературѣ и находили прочное научное разрѣшеніе въ такихъ уважаемыхъ трудахъ, каковы „Разысканія“ А. Н. Веселовскаго. Не лѣзя себя надеждой внести новыя факты, я постараюсь свести весь извѣстный мнѣ матеріалъ по исторіи апокрифической легенды о св. Николаѣ, выяснивъ то направленіе, по которому она развивалась. Тѣ направленія, какія принимала она еще на византійской почвѣ, перейдя на русскую, конечно, получили свое дальнѣйшее развитіе только сообразно съ условіями и понятіями новой среды: слава спасателя на водахъ, вполне упрочившаяся за св. Николаемъ въ византійской и южно-славянской литературахъ вмѣстѣ съ элементами борьбы противъ языческаго и магометанскаго Востока, какъ мы увидимъ ниже, отходила на задній планъ передъ весеннимъ значеніемъ культа Микола Милостиваго. Если въ византійской легендѣ мы могли найти только проблески его весенняго природнаго значенія, то у насъ, напротивъ, это-то весеннее значеніе и послужило основой его широко распространившейся славы.

Сначала я укажу, однако, на непосредственныя отраженія книж-

¹⁾ *Арх. Леонидъ*, о. с., стр. 9 и 10.

²⁾ Тамъ же, стр. 43.

ной легенды, принесенной къ намъ византийской или южнорусской письменностью. Отраженія эти весьма важны, какъ исходный пунктъ, отъ котораго пошло дальнѣйшее развитіе легенды. Послѣ этого я перейду уже къ легендамъ и сказкамъ, создавшимся болѣе сложнымъ процессомъ народнаго творчества и наиболѣе переработаннымъ народной фантазіей.

Чудо о трехъ иконахъ, на которое я уже имѣлъ случай указать, какъ на моментъ наибольшаго развитія простонародной идеализаціи, перешло въ русскую сказку почти безъ измѣненій, что объясняется тѣми симпатичными чертами, какія могъ найти тутъ простой народъ. Заглавіе этой сказки: „Анекдотъ объ архіереѣ и Миколѣ“ ¹⁾. Конечно, свой историческій смыслъ это чудо, перейдя въ народную сказку, утратило вовсе. Утратило оно и всѣ подробности, относящіяся къ византийской жизни. Въ связи съ этимъ чудомъ находится еще два. Я перескажу содержаніе ихъ, потому что нѣчто подобное было записано въ XI вѣкѣ въ Киевѣ, и интересно наблюдать въ передачѣ этого чуда, что принадлежитъ литературной традиціи и что исторической правдѣ. Первое изъ этихъ чудесъ „Чюдо ш иконѣ сѣго Николаа юже жидовинѣ далъ себѣ написати и вручилъ ей всѣ вещи и ѿиде впоуть“ ²⁾. Когда этотъ жидовинѣ уходилъ изъ своего дома, онъ сказалъ иконѣ: „се тебѣ вручаю все имѣніе мое: да будетъ въ соблюденіи твоємъ цѣло, дондеже съ поуту возвращуся. Егда же что отъ имѣнія моего погибнетъ велю на тебѣ бѣду сотворю“ и „иде въ поуть жидовинѣ“. Но во время его отсутствія пришли разбойники и раскрали все его имущество; вернувшись и увидя свой домъ опустошеннымъ, жидовинѣ обратился къ образу св. Николая съ упреками и даже „вземши“ „икону нача бити ю и поби даже до раздробленія“. Когда разбойники стали дѣлить между собой награбленное имущество, явился передъ ними св. Николай: „что сіе сотвористе“: сказалъ онъ имъ, „тако побрасте имѣніе мѣ врученное отъ жидовина; азъ не имѣю ш семъ, но вы согрѣшисте сіе дѣло сотворши, возвратите по ма како оубіенъ быхъ шт жидовина и таковы раны на моемъ тѣлеси нахожи: милости бо не имѣ біющи ма“.

Съ этими словами св. Николай открылся имъ и велѣлъ отдать все награбленное владѣльцу. Жидовинѣ, видя, что чудеснымъ обра-

¹⁾ Драгомановъ. Малороссійскія преданія, стр. 155.

²⁾ Рукопись Имп. Публ. Библ. Q. I, № 79, л. 38. Совершенно тождественное чудо находится и въ *Legenda Aurea Jacobi a Voragine* изд. 1846 г. d. 27, § 9.

зомъ возвращено ему все его имѣніе, увѣровавъ въ силу св. Николая и крестился.

Повидимому чудо нѣсколько отличное отъ только что мною приведеннаго легло въ основаніе извѣстнаго французскаго „Li jus de saint Nicholai“ написанное Jean Bodel'емъ ¹⁾. Всего ближе подходитъ къ пьесѣ Боделя пересказъ чуда у Assemani ²⁾: тамъ и здѣсь дѣйствіе происходитъ на войнѣ между христіанами и язычниками; но у Ассемани на сцену не является царь язычниковъ, и нѣтъ также эпизода объ взытіи въ плѣнъ владѣльца иконы. Если бы „li greescieges“ во французской пьесѣ не ссылался въ своемъ разказѣ все время на какое то житіе: „Qu 'en sa vie trouivons“ говоритъ онъ, мы могли бы приписать автору вставку двухъ постороннихъ лицъ въ наше чудо, тѣмъ болѣе что Legenda Aurea знаетъ подобное чудо, тождественное приведенному мною русскому.

Покровительство имуществу и защита отъ воровъ проникли и въ народную среду; я укажу на сказку „О ворѣ и Николѣ“ ³⁾, помѣщенную у Афанасьева и близко подходящую къ только что приведенному чуду. Весьма характернымъ является въ этомъ чудѣ разказъ объ избіеніи иконы Жидовиноу, свидѣтельствующій о какомъ-то полуязыческомъ отношеніи къ иконамъ. Намъ, впрочемъ, придется еще разъ встрѣтиться съ этимъ страннымъ явленіемъ на почвѣ народной сказки.

Другое чудо, находящееся въ томъ же рукописномъ сборникѣ: „Чудо стго Николы, написанное Ѡ стѣйшаго патріарха Меѡдія о златѣ Ѡ Жидовина нѣкоему хртіанину взаим данномъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Theatre français au moyen age, p. par *Monmerqué* et *Michel*. Paris. 1842, p. 162.

²⁾ *Kalendaria ecclesiae universae* t. V, p. 420—422.

³⁾ *Афанасьевъ*. Русскія народныя сказки. Т. III, стр. 466.

⁴⁾ Рук. Публ. Библ. Q. I, № 79, л. 39. Эпизодъ съ палкой, гдѣ были скрыты червонцы, сближаетъ нашу рукопись съ псковскимъ преданіемъ горы Судомы съ одной стороны и извѣстнымъ судомъ Санчо Панса съ другой; сходство это уже поразило проф. Буслаева (Замѣчательное сходство псковскаго преданія съ однимъ эпизодомъ Сервантесова *Донъ-Кихота*, см. *Историческіе Очерки* т. I). Проф. Буслаевъ объясняетъ это совпаденіе влияніемъ апокрипическихъ знаменитыхъ судовъ Соломона, „извѣстныхъ въ Испаніи нѣтъ устъ мусульманскаго населенія“. А. Н. Веселовскій по поводу этого объясненія приводитъ еще царя Давида съ мусульманскими сказаніями о его судѣ (Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китаврасѣ и западныя легенды о Морольѣ и Мерлинѣ, стр. 71 и слѣд.). Наша рукопись едва ли не показываетъ самый близкій путь проникновенія этого сказанія въ Псковскую землю черезъ Византію.

Это чудо я приведу цѣликомъ, какъ для того, чтобы его легче было сопоставить съ русскимъ чудомъ того же типа, такъ и потому что оно еще, сколько мнѣ извѣстно, не появлялось въ литературѣ.

Бысть нѣкто шт христіанъ иже взамъ взѣ оу Жидовина злата не мало; не имѣа же дабы са кто о немъ споручилъ, поидоста шба въ црковъ стителя Хртова Николаа и клатса Жидовиноу христіанинъ на шлтари, еже ему штдати взамъ данное емоу злато. Соизволиже и Жидовинъ на сіе клатвенное обѣщаніе и даде емоу злато вроуцѣ его глѣ: егда прииде время нарекованное, штдаси мнѣ. Минувши лѣту единомуу и другому и третьему прииде Жидовинъ къ христіаниноу моласа іако да штдасть ему взамъ данное ему злато. Онъ же нача склатвою, глѣти Жидовину, іако оуже отдахъ ти злато. Что же Жидовинъ говоритъ? Иде къ судіамъ, іако да истину судін оуразумѣвши осудатъ ихъ, како могутъ миръ с собою сотворити: судін же оуразумѣвши прѣніе ихъ повелѣвають христіанину клатвою шбщачемъ христіанскимъ штрѣщиса, іако ничтоже ти долженъ есмь, отдахъ бо ти злато твое прже в руцѣ твои, тако ми Бгъ да помилуетъ. Егда же оуслыша христіанинъ сказаніе судін, таковыа хитрости възска, идущи клатиса: вземъ жезлъ наполненный внутрь златомъ и кленушиса Жидовину, штда емоу жезлъ, глѣючи: іако штдахъ тебѣ болше, неже ти виновенъ быхъ. По скончаніи же клатвы пакы жезлъ вземъ христіанинъ къ себѣ. Егда же шт судін возвратиса, на растоаніи пути сномъ штагченъ, оупаде на землю, его же колесница переѣха в великомъ бѣжаніи и оубіенъ бы даже до смерти; и жезлъ внемже бѣ злато разсыпа. Егда услыша ш томъ Жидовинъ и оузрѣ сію неправду штъ хртіанина страха не мало исполненъ бысть, и быша таковыа люди глѣючи Жидовину: возми злато. Онъ же сотворити сего невосхотѣ и не взѣ глѣ: дондеже не вижду оумершаго христіанина молитвами стго Николаа воставша не возмоу, аще же увижду его воставша, то и азъ буду христіанинъ. Егда же сіе Жидовинъ изрече абіе мертвы воста¹⁾.

Къ этому разряду чудесъ относится и русское чудо о Половчанинѣ, относимое архим. Леонидомъ²⁾ къ XI вѣку. Обстановка здѣсь совершенно та же, что въ приведенномъ византійскомъ чудѣ: какъ тамъ представителями невѣрія являются жида и сарацины, и имъ

¹⁾ *Jacobi a Voragine Legenda Aurea*, p. 27, § 9. Здѣсь приведено то же чудо.

²⁾ Посмертные чудеса св. Николаа стр. 6, примѣч.. То же чудо въ Русскихъ народныхъ картинкахъ Рогинскаго, т. IV, стр. 767.

приходится убѣждаться въ силѣ христіанскихъ святыхъ и ихъ иконъ, такъ точно у насъ такое же дѣйствіе производятъ чудо на Половчанина. Я приведу содержаніе этого чуда.

Въ „градѣ Кіевѣ“ у одного русскаго, вѣрующаго въ силу св. Николая „не вѣмы съ кою виною сѣдаще Половчинъ все лѣто шкованъ“ ¹⁾. Господинъ этого Половчанина предложилъ ему выкупиться, и такъ у него не было никого, кто бы поручился за него, господинъ Половчанина повелъ его въ церковь св. Николая и передъ образомъ этого святого отдалъ своего плѣнника какъ бы на поруки святому. Потомъ далъ Половчанину коня и отпустилъ его ѣхать къ своимъ. Почувствовавъ свободу Половчанинъ, конечно, не сталъ заботиться о выкупѣ и подумалъ: „безоумень русинъ той иже да ма на поруцы иконѣ, она бо не можетъ дойти до мене ²⁾“. Приѣхавъ въ свою страну Половчинъ разказалъ о случившемся съ нимъ своимъ, и всѣ его соотечественники смѣялись надъ наивностью русскаго чело-вѣка. Однако св. Николай, „немедленный помощникъ христіанамъ“, не забылъ о своей порукѣ и дважды являлся Половчанину напомнить о долгѣ, но тотъ не обратилъ вниманія на эти напоминанія. Наконецъ, третій разъ явился св. Николай этому Половчанину: „приключись сонму быти княземъ ихъ и вельможамъ съѣхавшимъся многимъ, той же Половчинъ тутже приѣде; егда же ста на конѣ со други своими гависа третицею сѣый Никола невидимо. Исторже его съ коня его всѣмъ зрацимъ нача торгати ³⁾); „овогда бо баше главою потчен овогда ж ѡт земля воскищенъ и раздрожен ѡ землю, иногда баше глава его междуу ногъ его, и ктомуу невидимо аки дубцы, баше его сила сѣго Николы и тако едва жива остави его ⁴⁾“. Послѣ такого испытанія Половчинъ, конечно, отдалъ выкупъ русскому, пригнавъ къ нему табунъ коней. Тутъ же онъ разказалъ о всемъ, что съ нимъ было, и какъ чудесно св. Николай заставилъ его заплатить долгъ.

Такимъ же поручителемъ за долгъ бѣдныхъ людей видимъ мы св. Николая и въ сказкѣ, хотя здѣсь этотъ эпизодъ является только второстепеннымъ, служащимъ завязкой. Поручается въ сказкѣ также икона св. Николая. „Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ былъ богатый му-

¹⁾ Ibid. стр. 47.

²⁾ Ibid., стр. 48.

³⁾ Ibid., стр. 49.

⁴⁾ Ibid., стр. 50.

жикъ; жадность и скупость совсѣмъ одолѣли его“ ¹⁾—такъ начинается эта сказка въ легендахъ Аванасьева. У этого богача или богатыря, какъ онъ названъ въ сказкѣ, попросилъ бѣдный мужикъ одинъ рубль въ долгъ, а такъ какъ за него не кому было поручиться, онъ взялъ своимъ поручителемъ образъ Николы. Когда прошелъ срокъ платить деньги у бѣднаго опять не оказалось ни гроша; богатырь, видя, что съ него ничего не возьмешь, „сталъ передъ образомъ Николы Угодника и говоритъ: чтожъ ты не отдаешь за бѣднаго денегъ? Вѣдь ты за него поручился?“ ²⁾ „Икона ничего не отвѣчаетъ“. Тогда мужикъ долго не думая: „снялъ образъ со стѣны, положилъ у порога и давай въ грязь топтать“ ³⁾. Увидѣлъ это одинъ купеческій сынъ и ему стало жалко иконы. Онъ выкупилъ ее у богатыря и поставилъ у себя въ лавкѣ. Черезъ нѣсколько времени приходитъ къ нему наниматься въ прикащики одинъ старичекъ. Купеческій сынъ взялъ его; этотъ старичекъ оказался никѣмъ инымъ, какъ самимъ Николой. „Съ той поры пошла у него такая торговля, что никакъ товаровъ не напасешься: покупщики такъ и валять въ лавку со всѣхъ сторонъ. Разбогатѣлъ купеческій сынъ“ ⁴⁾. Пришлось ему какъ-то ѣхать съ товарами въ чужое царство. А въ это время тамъ „злая вѣдьма испортила царевну—днемъ она лежитъ, словно мертвая, а по ночамъ встаетъ и людей поѣдаетъ“ ⁵⁾. Царь этой страны обязалъ пріѣзжихъ купцовъ отчитывать свою дочь, никто не рѣшался, а купеческій сынъ, по совѣту своего чудеснаго прикащика, вызывается на это опасное дѣло. Три ночи читалъ онъ, очертивъ вокругъ себя кругъ. Каждую ночь царевна встаетъ изъ гроба и стремится броситься на него, но не можетъ проникнуть за заколдованный кругъ. На третью ночь „купеческій сынъ отчиталъ царевну: вышла изъ нея нечисть; тутъ только переступила она черту и подошла къ купеческому сыну, взяла его за руку, поцѣловала въ уста и сказала: „будь ты моимъ мужемъ, а я—твоею женой“. На томъ они и поладили“ ⁶⁾.

Такія же сказки находятся и среди малороссійскихъ: въ сборникѣ Чубинскаго она весьма пространна и въ нее вводится эпизодъ про

¹⁾ Народныя русскія легенды. *Аванасьева*, стр. 141.

²⁾ Ibid., стр. 142.

³⁾ Ibid., примѣчаніе.

⁴⁾ Ibid., стр. 143.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Ibid., стр. 144.

„дівчину що якъ кашляя жемчугъ пада“ ¹⁾. Эта сказка нѣсколько отлична отъ только что указанной. Никола вводится такимъ же образомъ у Чубинскаго, какъ и у Аванасьева, но по приѣздѣ въ чужое царство разказъ нѣсколько иной: въ томъ царствѣ въ это время подѣ мостомъ залежь змѣй, и царь той страны требуетъ, чтобы приѣзжіе купцы читали въ церкви, куда заходить этотъ змѣй по ночамъ. Дядя купеческаго сына, приѣхавшіе съ нимъ вмѣстѣ на своихъ корабляхъ перепугались, когда узнали, что имъ придется сдѣлаться добычей змѣй. Тогда молодой купецъ и отстаиваетъ за нихъ ночи въ церкви и за каждую ночь беретъ по одному кораблю съ товаромъ. По совету своего чудеснаго прикащика онъ покупаетъ въ первую ночь пудъ сливъ, во вторую полтора пуда и, наконецъ, два пуда. Этими онъ и спасается отъ змѣй, рассыпавъ сливы по полу. Послѣ того онъ дѣлается царскимъ любимцемъ и сватаетъ свою сестру за царя замужъ. Это сватовство составляетъ отдѣльный эпизодъ въ сказкѣ, не имѣющей ничего общаго съ первой ея частью. Такимъ образомъ въ этой сказкѣ св. Николай борется въ лицѣ купеческаго сына не съ упыремъ, а со змѣемъ. Этимъ эпизодомъ нашъ Никола входитъ въ область легенды о св. Георгіи.

Въ сборникѣ Рудченки ²⁾, напротивъ, царевна является упыремъ, какъ и у Аванасьева, и обѣ сказки почти не отличаются другъ отъ друга. Быть можетъ, слѣдуетъ поставить въ связь съ этой сказкой приведенное г. Аванасьевымъ заклинаніе противъ колдуновъ и упырей. Въ этомъ заклинаніи говорится между прочимъ: „Михайло Архангелъ, Гавріилъ Архангелъ, Никола Милостивъ снидите съ небесъ и снесите ключи и замкните колдуну, колдунѣ, вѣдуну, вѣдунѣ и упирцу на крѣпко и твердо“ ³⁾. Съ небольшими измѣненіями эта сказка объ упырѣ, введя въ дѣйствіе сказочнаго героя Вія, послужила Гоголю основаніемъ его знаменитой повѣсти ⁴⁾.

Весьма характерно въ этихъ сказкахъ объ иконѣ до нельзя грубое отношеніе къ нимъ, напоминающее нѣкоторыя привычки древняго фетишизма ⁵⁾. Мы видѣли уже такое отношеніе къ иконамъ въ

¹⁾ Труды этнографической экспедиціи въ юго-западный край, т. II, сказки стр. 27.

²⁾ Народныя южно-русскія сказки, вып. II, стр. 27.

³⁾ Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, томъ II, стр. 408.

⁴⁾ Подобная сказка у калмыковъ приведена въ *Запискахъ восточнаго отдѣленія Императ. Русскаго Археолог. Общества*, т. III, вып. IV, стр. 348.

⁵⁾ Леббокъ, Начало цивилизаціи. С.-Пб. 1876, стр. 244.

чудѣ объ Жидовинѣ. Если и можно усматривать преемственность между чудомъ и сказкой, то во всякомъ случаѣ нужно отмѣтить коренное различіе между ними, различіе, быть можетъ, не лежащее въ ихъ основѣ. Въ чудѣ все стремится къ желанному концу, къ принятію христіанства Жидовиноу, не вѣрующимъ въ силу христіанскихъ иконъ; потому, конечно, мы и видимъ здѣсь Жидовина, то-есть, представителя всякаго нечестія ¹⁾. Восточные народы, какъ я уже указалъ, играли не послѣднюю роль въ иконоборческомъ движеніи, но относительно этого чуда едвали можно сказать, что оно создано въ этотъ періодъ: Ассемани приводитъ такое же чудо, относящееся однако къ V вѣку ²⁾, такъ что св. Николай, котораго образа, какъ мы уже видѣли, принадлежать къ однимъ изъ древнѣйшихъ въ византійской иконописи, въ силу этого и вошелъ въ кругъ подобныхъ чудесъ.

Морская слава св. Николая повидимому не была столь развита у простого народа, какъ у западныхъ славянъ, въ Византіи и по всему латинскому западу; правда, еще въ XI вѣкѣ было записано въ Кіевѣ „чудо о нѣкоемъ дѣтищѣ чудесно спасенномъ св. Николаемъ изъ волнъ Днѣпра ³⁾. Это чудо дало поводъ простому народу назвать св. Николая „Николой Мокрымъ“. Въ былинѣ о Садкѣ мы видимъ его такимъ же неустаннымъ работникомъ на морѣ, какъ и въ сербскихъ пѣсняхъ ⁴⁾. У судопромышленниковъ русскихъ это покровительство на морѣ св. Николая удержалось и до сихъ поръ; они привыкли ставить на судахъ иконы его ⁵⁾. Но перейдя къ сказкамъ и духовнымъ стихамъ мы болѣе не встрѣтимъ этой морской славы. Русскіе и малороссійскіе духовные стихи по преимуществу книжнаго происхожденія. Они состоятъ или изъ переложенія житійныхъ чудесъ, или изъ простого славословія. Особую группу духовныхъ стиховъ составляютъ бѣлорусскія волочобныя пѣсни, эти пѣсни могутъ быть названы чисто народными уже по самому составу пѣвшихъ ихъ волочобниковъ. Къ нимъ я перейду послѣ разсмотрѣнія южно-русскихъ стиховъ, и они введутъ насъ прямо въ сказочные мотивы.

Наиболѣе распространенными изъ нихъ являются стихи объ „Га-

¹⁾ *Finlay*, History of Byzantien Empire, p. 20.

²⁾ *Kalendaria ecclesiae universae*. L. S. *Assemani*. tom V, p. 421.

³⁾ Посмертн. чудеса св. Николая, стр. 43.

⁴⁾ *Рыбниковъ*. Былины, т. I, стр. 300.

⁵⁾ *Терещенко*. Быть русскаго народа. Часть VI, стр. 46.

врикѣномъ“ или „Авликовомъ“ ¹⁾ сынѣ Васи́лиі, состоящіе изъ простого переложенія чуда объ Агриковомъ сынѣ Васи́лиі. Такими же распространенными стихами можно назвать и стихи о Христофорѣ попѣ ²⁾. „Эта любовь къ приемамъ“, говоритъ объ этихъ стихахъ профессоръ Срезневскій, „намекаетъ на время, когда составленъ стихъ, и на лицо, какимъ онъ составленъ“. Отнести его ранѣе, чѣмъ къ XVII вѣку, едва ли возможно ³⁾. Я не буду пересказывать ихъ содержаніе, хорошо извѣстное въ русской литературѣ.

Такимъ же школьнымъ и по стилю и по содержанію произведеніемъ могутъ быть названы помѣщенные у Чубинскаго духовные стихи:

Большаго несть на земли трона,
Кто схощетъ за патрона
Забраты Миколая Свята ⁴⁾.

Такъ начинается первый изъ нихъ. Благодѣянія, которыя здѣсь приписываются святому, чисто житійнаго происхожденія: начинаются онъ съ помощи на морѣ, помощи заключеннымъ въ темницахъ и переходятъ на почву общихъ мѣстъ, не связанныхъ съ индивидуальной особенностью св. Николая:

Аще былъ потопалъ на морі
Прибуде Миколай вскорі,
Токмо рпѣ: „Святой Миколай,
Ратуй мя“ заразъ свої рупи дае вамъ на помощь.
Ратуе ходитъ и у темниці,
Дастъ и способъ сироті вдовиці,
Та дастъ и способъ якъ не світі жити
Тилькі его потреба просити—на помощь
Досить е не мало люда
Що дознались пресвятаго чюда ¹⁾.

Остальные два стиха, помѣщенные тутъ же, не представляютъ ничего, кромѣ весьма извѣстнаго и въ Великороссіи словословія:

Ой, кто Миколая любить
Ой, кто Миколаю служитъ
То тому святой Миколай
На всякій часъ помогаетъ ⁴⁾.

¹⁾ *Безсоновъ*. Калѣки переходіе, вып. I, стр. 559—576; *Варенцовъ*. Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 86—92.

²⁾ *Срезневскій*. Свидѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ, вып. IV, стр. 19—29.

³⁾ *Чубинскій*. Труды этнографической экспедиціи въ западно-русскій край, томъ I, стр. 168.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 169.

Особенность этого стиха заключается только въ томъ, что нѣсколько дальше онъ называется: „Мирнокиевскіи учителю“ ¹⁾.

IV.

Совсѣмъ не похожи на эти школьныя произведенія стихи южно-славянскіе и бѣлорусскіе. Выше уже былъ приведенъ тотъ сербскій духовный стихъ, гдѣ на трапезѣ всѣхъ святыхъ Никола роняетъ чашу, утомленный своей постоянной работой на морѣ. Здѣсь мы уже видимъ вполне установившійся и законченный въ народномъ воображеніи образъ святого, не имѣющій ничего общаго съ его церковной канонической сущностью; мы видимъ здѣсь святого въ чисто сказочной обстановкѣ, которая насъ и введетъ въ ту народную легенду о немъ, которая и создавалась на сказочной почвѣ. Не имѣя собственно въ виду долго оставаться въ области южно-славянской народной литературы, я коснусь здѣсь южно-славянскихъ пѣсенъ о немъ только съ точки зрѣнія аналогій съ русскою легендой. Къ тому же, разсмотрѣвъ эти пѣсни западныхъ славянъ мы увидимъ, что на нихъ отразились тѣ направленія византійской легенды, которыя были отмѣчены въ первыхъ двухъ главахъ.

Въ сербской пѣснѣ „Свечи благо дијеле“ между святыми распределяются разныя дѣятельности, и св. Николаю приписывается морская дѣятельность.

Када свеци благо под'јелише
Петар узе винде и шеницу
И кључеве од небесног царства;
А Илија муње и громове
Пантелија велике врућине
Свети Јован кумство и братимство
И крстове од часнога древа;
А Никола воде и бродове ²⁾.

Стихъ этотъ извѣстенъ у всѣхъ южныхъ славянъ ³⁾. Здѣсь морская дѣятельность св. Николая даже расширяется на всякія вообще воды. Въ болгарскомъ стихѣ, помѣщенномъ у Безсонова: „св. Николай и гора Аѳонская“ ⁴⁾, опять слышится отзвукъ борьбы съ язы-

¹⁾ Ibid., стр. 170.

²⁾ Караджичъ. Сръпске народне пјесме т. II, стр. 2.

³⁾ Аванасиѣвъ. Повѣстическія воззрѣнія славянъ на природу. Томъ 1, стр. 475.

⁴⁾ Безсоновъ. Калѣки переходѣ, в. III, стр. 581—584.

чествомъ, хотя дѣйствіе и остается на морѣ: пѣснь эта начинается разказомъ о томъ, какъ игуменъ монастыря на Аеонской горѣ читаетъ посланіе къ нему Муратъ-бека, требующаго у него евангеліе крестъ, святую чашу и эпитрахиль. Всѣ монахи въ ужасѣ, а игуменъ рѣшается послать Мурату отказъ на его требованіе. Получивъ этотъ отказъ, Муратъ двигается съ флотомъ на Аеонъ по Черному морю:

Царь ми пойде стрѣде Църно море
Ми заирьзло оно Църно море.

Не зная, что ему дѣлать въ такой бѣдѣ, Муратъ начинаетъ молиться св. Николаю и, отказавшись отъ своихъ притязаній на Аеонскій монастырь, общается святому сдѣлать игумну монастыря подарокъ.

Поможи, царь свети Никола
Я сумъ чулъ, што ти повелашъ
Ти повелашъ оно Църно море.

Море тотчасъ успокоилось, и Мурату осталось только исполнить свое обѣщаніе относительно подарка.

Оставаясь тѣмъ же морскимъ труженикомъ, какъ и въ другихъ южнорусскихъ пѣсняхъ, св. Николай въ одной сербской пѣснѣ исполняетъ обязанность вовсе чуждую ему: онъ перевозитъ души умершихъ.

Соваг света на онај ¹⁾.

Въ этой пѣснѣ мы находимъ его покоющимся подъ райскимъ деревомъ. Къ нему приходитъ „Илија мироносна војвода“ и предлагаетъ ему перевозить души умершихъ съ земли въ рай. Прежде, чѣмъ перевозить каждую душу, свв. Николай и Илья производятъ допросъ и судъ каждой вновь приходящей душѣ.

Конечно, эта новая дѣятельность святого не должна нисколько удивлять насъ: кому и перевозить на тотъ свѣтъ души, какъ не святому „повелѣвающему моремъ“. Эта дѣятельность св. Николая въ загробномъ мірѣ указана уже г. Аванасьевымъ ²⁾. Я не беру на себя рѣшать вопросъ, случайно или нѣтъ это появленіе св. Николая въ раю или, вѣрнѣе, передъ вратами рая, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ собственно не касается русскихъ сказокъ и потому для меня въ сущности не важенъ. Я приведу, однако, одно чудо Новгородской записи, еще не изданное, имѣющее, быть можетъ, нѣкоторое значеніе

¹⁾ Караджичъ, т. I, стр. 134.

²⁾ Аванасьевъ. Поэт. возвр. сл. на природу, т. I, стр. 576.

для рѣшенія этого вопроса „Сказаніе ш чудеси великихъ чюдотворецъ Варлаама и преподобнаго чюдотворца Никола“¹⁾. Оно начинается словами: „Егда бы бл҃гочестивыи и бл҃говѣрныи кнѣзь Василей Васильевичъ Володимерьскіи Москшвѣскіи и Новгородцкѣи и всеа Русіи сним сынове его бл҃говѣрный кнѣзь Юрьи и бл҃говѣрныи кнѣзь Андрѣй въ своей штинѣ въ Великомѣ Новѣ-градѣ в немже бѣ монастырь славенъ дом ст҃го Спса на Хутынѣ, тако бо бѣ поприцаемо мѣсто то шт древнихъ, втомже монастыри бѣ прѣдобныи Варлаамъ чюдотворецъ“²⁾. Былъ нѣкій юноша „шт рода боларьска сущу постелнику кнѣза великаго именемъ Григорію случиса емоу болѣзнь тажка зѣла“¹⁾. Онъ долго лежалъ безъ чувствъ, и всѣ родственники боялись за его жизнь. Въ сказаніи весьма подробно разказывается весь ходъ болѣзни, но я опушу это описаніе. Однажды во снѣ явился ему св. Варлаамъ и общалъ исцѣлить его, взявъ въ свою очередь обѣтъ съ Григорія, что онъ спишетъ житіе его и пострижется въ его монастырѣ. Проснувшись, Григорій разказалъ объ этомъ снѣ и попросилъ вести себя къ рацѣ святого. Родные, видя его слабость, колебались вести больного, и дѣйствительно по дорогѣ къ монастырю юноша умеръ; но помня обѣщаніе, данное ему св. Варлаамомъ, родственники повезли его однако въ монастырь мертваго. Не успѣли они доѣхать до раки святого, какъ Григорій вдругъ ожилъ и спросилъ: „гдѣ я?“ Привезшіе его люди тотчасъ дали знать о случившемся чудѣ архимандриту того монастыря, и онъ велѣлъ внести отрока Григорія въ свою келью; на всѣ вопросы отрокъ не отвѣчалъ ни слова, но далъ понять, чтобы туда внесли икону св. Варлаама и, когда ее принесли, онъ, приложившись къ ней, разказалъ слѣдующее. Я привожу разказъ дословно: „Азъ гнѣ в болѣзни своей не вѣмъ сего, како ми дѣла шт тѣла изыде или възвратиса, но сіе видихъ при ногахъ моихъ стоящихъ нѣкоторыхъ синцовъ пристужающе ми имже не бѣ числа; единъ шт темныхъ дръжа в руку своею свѣтокъ великъ и рече: здѣ сут напѣсана дѣла его и помышленіи. Начат прочитати в нем написанаа вса злаа дѣла моя и помышлены яже съдѣяхъ шт юности моеа. Азъ же нѣчтоже смѣяхъ противу-рещи имъ; шнже і вса прочиташе и о чемъ показаніе положихъ и то вса у нихъ заглаживаются на свѣтци ихъ, а инаа еще са не

¹⁾ Рукопись Импер. Публ. Библиотеки, Q. I. № 320, листъ 270.

²⁾ Ibid., листъ 271.

заглядат. Ѡни ꙗзѣло притужаху ми о сих. Азже възривъ и видих стго Николу Чюдотворца въ стѣтельстѣи одежди стоаща и посох свои держаща осном прамо их и рече к нимъ: вы злѣи темнѣи почто ѣ пришли здѣ. Ѡниже рекоша ему протѣвугѣше: сѣ нашѣ того ради приидохом здѣ а се свѣтокъ дѣлъ его. Стѣи же Никола Чюдотворецъ рече к ним: видѣли се Аггль хранитель его ѣ. Азъ же к сему възрѣвъ видивъ Аггла свѣтокъ малъ в руку своею и мала въ нем пѣсмени имуща и повѣда в нем писана бѣгаа дѣла моа; рече же к ним стѣи Никкола: сеа малаа добродѣтель штрока въ мѣрѣлех превозмогут васъ, а еще у него и Ѡць его дхвныи.. Сѣа же от него слышавше тѣомобразнѣи абѣи ищезоша, и видѣхъ ту множество свѣтлыхъ мужъ в бѣлахъ ризахъ стѣиаща всюду окрѣтъ, елика зрю, и рекоша свѣтлѣи: се Аггль градет, и разѣстоупиша и се приде великии Аггль и зра на ма ꙗко улыскаѣса лицем и поим ма за рамо и веде ма на никое мѣсто свѣтлѣо, радости исполнено имущи дрѣвеса красна цвѣтуща и по земли цвѣти разлѣчнѣи множествомъ и привед посади ма под дрѣвом, не рече ми ничтоже, самже ѣтса за едиѣоу вѣтвь дрѣва того и стоаще ꙗко озираѣса, и възрѣвъ же и азъ томо, идѣже шнѣ позираше и видих стго Варлаама Придобнаго Чюдотворца с посохомъ стоаща въ одежди своей ꙗко и на иконѣ написана вѣдих его и пришед ко мнѣ рече ми: Грѣгоріе, се здѣ еси, азъ убо не успѣхъ принти к тебѣ на исход дѣи твои ѣнѣ же здѣ се ли быти хощеши, азже рѣхъ сму: Гѣи хошъ да быхъ пребывалъ здѣ. Стѣи же Варлаамъ рече ми: добро тѣ былъ чадо, жити здѣ, но ѡскорбити родѣтелей своихъ ѣнѣ же еще поиди к родѣтелемъ своимъ не услези ихъ, а утѣши плачь и рыданіе штца своего и мѣтере“¹⁾.

Послѣ этого св. Варлаамъ вновь оживилъ его, и отрокъ вернулся къ жизни.

Отразилась на духовныхъ южно-славянскихъ стихахъ и та общность культовъ свв. Георгія и Николая, которую мы видѣли въ византийской легендѣ. Въ двухъ болгарскихъ стихахъ, изъ которыхъ одинъ помѣщенъ у Безсонова, къ сожалѣнію не въ полномъ видѣ, эти святые являются вмѣстѣ. Въ первомъ изъ нихъ главная роль выпадаетъ на долю св. Георгія, и трудно понять, зачѣмъ зводился сюда св. Николай.

¹⁾ Ibid., лѣсть 276—278.

Свети Іюрги у трапези
У трапези шестореди ¹⁾

Всѣ святые сидятъ съ нимъ за трапезой, недостаетъ только св. Николая. Два раза посылаетъ за нимъ св. Георгій, и тотъ не приходитъ; на третій разъ св. Георгій ѣдетъ самъ, встрѣчаетъ св. Николая и зачѣмъ-то даетъ ему рогъ:

Я си зѣми рогъ прѣкованъ
Рогъ прекованъ сръброкованъ
То то тури въ десна рака.

На этомъ мѣстѣ пѣсня эта обрывается. Г. Безсоновъ дѣлаетъ предположеніе, едва ли не правдоподобное, что этотъ рогъ ничто иное, какъ тотъ кубокъ, который св. Николай роняетъ въ извѣстной сербской пѣснѣ ²⁾. Стихъ этотъ обыкновенно поется въ день осенняго праздника св. Георгія.

Другой стихъ, помѣщенный тутъ же, принадлежитъ къ весеннему значенію культа св. Георгія. Начинается онъ съ того, что св. Георгій куетъ своего коня и ѣдетъ по межамъ въ поле; тутъ онъ встрѣчаетъ св. Николая, который спрашиваетъ его.

Добро ли е синоре то
Синоре то и ниви тѣ?
Отговора свети Іюрги:
Слава Богу светъ Никола ³⁾.

Такимъ образомъ мы видѣли, что южно-славянскіе духовные стихи выработали свой типическій образъ св. Николая, главнымъ образомъ какъ неустаннаго спасителя на водахъ и повелителя моря. Календарное значеніе праздника, то-есть, весенній природный его культъ не выработался до типической самостоятельности, хотя у болгаръ „свѣти Никулъ день“ и входитъ въ циклъ весеннихъ праздниковъ ⁴⁾. Разсматривая бѣлорусскія волочобныя пѣсни, мы, напротивъ, все время будемъ имѣть дѣло съ весеннимъ значеніемъ культа нашего святаго. Мы увидимъ, какъ представлялъ себѣ русскій народъ своего излюбленнаго вешняго Николу, какимъ сталъ въ воображеніи простого человѣка святой, котораго праздникъ празднуется 9-го мая. Въ этихъ волочобныхъ пѣсняхъ весьма ярко изображаются тѣ надежды, какія простой

¹⁾ *Безсоновъ*, *Балѣви* Перехожіе в. VI, стр. 42.

²⁾ *Ibid.*, стр. 43.

³⁾ *Ibid.*, стр. 45.

⁴⁾ *Каравеловъ*. Памятници народнаго быта болгаръ; стр. 223.

народъ возлагалъ на святого, которому молиться онъ привыкъ въ началѣ весеннихъ работъ. Волочобныя пѣсни по самому составу пѣвшихъ ихъ лицъ вращаются въ простонародной средѣ: волочобники, пѣвшие эти пѣсни въ большіе праздники подь окномъ деревенскихъ избъ, конечно, не заботились выказывать познанія въ житіи упоминаемаго святого, а, напротивъ, пѣли объ немъ то, что слышали въ той самой непосредственной и темной простонародной средѣ.

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ культъ вешняго Николы стоитъ въ неразрывной связи съ культомъ Георгія Побѣдоносца, и едва ли можно будетъ усмотрѣть строго выдержанное различіе между этими святыми: такъ въ одной изъ нихъ про св. Георгія говорится, что

Коровъ пасецъ,
Пасецъ пасецъ ды запасываецъ,

а про Николу:

Святѣй Микола пы межахъ ходиць,
Пы межахъ ходиць, жито родиць ¹⁾.

Такимъ образомъ, казалось бы, св. Георгій является покровителемъ выгона, а св. Николай—посѣва, но при этомъ не нужно забывать известной пословицы, говорящей какъ разъ обратное: Не хвались на Юрьевъ день посѣвомъ, а хвались на Николинъ травомъ ²⁾, или еще: св. Юрій по полю ходить, хлѣбъ жито родить ³⁾ Въ другой волочобной пѣснѣ оба святыхъ принимаютъ на себя пастушескія обязанности: св. Георгій говорить про себя:

Я кароу пасцау и запасаваю,
Я запасауши домой пригоню,

а св. Никола говорить:

Я коней пасцау да запасаваю,
Я запасауши домой пригоню.

Такое раздѣленіе пастушеской дѣятельности родственныхъ по типу святыхъ подтверждается весьма многими и вѣскими фактами, хотя и въ нихъ придется нѣсколько усумниться. „Егорій съ водой, а Никола съ травой“, говоритъ пословица ⁴⁾, и дѣйствительно въ боль-

¹⁾ Шейнъ Вѣхорускія пѣсни стр. 77.

²⁾ Каравеловъ Памяти. нар. б. Болгаръ стр. 228.

³⁾ Чубинскій Тр. Этн. Экспед. т. III, стр. 31.

⁴⁾ Каравеловъ, о. с. стр. 218.

шинствѣ мѣстностей Россіи 23 Апрѣля еще не установится выгонъ: скотину уже выгонять въ полѣ, а лошадей хорошій хозяинъ попридержитъ еще на дворѣ до Николина дня, потому и говорится: „Городи городьбу послѣ Николина дня“ ¹⁾, или „Никола осенній лошадь на дворъ загоняетъ, Никола весенній выгоняетъ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи Николинъ день есть праздникъ конюховъ; въ этотъ день первый разъ выгоняютъ лошадей въ ночное, служатъ молебенъ и послѣ того ѣздятъ верхомъ ²⁾.

Такой же обрядъ совершается однако и въ честь св. Георгія, тѣмъ болѣе что и на образѣ и въ пѣсняхъ св. Георгій является всегда на конѣ. Ёзда верхомъ въ праздникъ св. Георгія происходитъ и въ Греціи у южныхъ славянъ и въ Россіи ³⁾; тоже совершается и въ честь св. Дмитрія, Θεодора и Бориса. Св. Борисъ является покровителемъ лошадей и въ волочобныхъ пѣсняхъ Бѣлоруссіи.

Святый Юрья
За росицею,
Святый Борцъ
Коній пасецъ,
Святый Никола
Обойдзець вокола ⁴⁾.

Я не буду приводить тѣхъ обширныхъ свѣдѣній, какія А. Н. Веселовскій ⁵⁾ собралъ о пастушескомъ культѣ св. Георгія для того, чтобы показать полную устоячивость и законченность этого культа въ народномъ мировоззрѣніи. Не мудрено, если при календарной близости праздниковъ этого святого съ Николинымъ днемъ, у обоихъ святыхъ является много общаго въ ихъ весеннемъ культѣ; тѣмъ болѣе, что хозяйственные обряды, тѣсно связанные съ климатическими условіями каждой мѣстности, весьма склонны переходить отъ одного числа мѣсяца къ другому и слѣдовательно отъ имени одного святого къ имени другого. Бытовыхъ данныхъ, какія мы имѣемъ о русскомъ простонародьѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало, чтобы усмотрѣть, какой именно обрядъ, какая именно пословица приурочивается къ той или другой мѣстности, къ тому или другому хозяйственному строю Россіи. Потому весьма трудно распредѣлить эти числа выгоновъ, за-

¹⁾ Ibid., стр. 223.

²⁾ Терещенко, Бытъ русскаго народа ч. VI стр. 45.

³⁾ А. Н. Веселовскій, Размысливанія въ области духовнаго стиха в. III стр. 6.

⁴⁾ Шейнъ, Бѣл. пѣсни стр. 92.

⁵⁾ А. Н. Веселовскій, о. с.; ср. также у Киртичикова „св. Георгій и Егорій Храбрый“.

сѣвовъ, зажинокъ и т. д. къ опредѣленной мѣстности. На однихъ волочобныхъ бѣлорусскихъ пѣсняхъ мы видѣли, какъ неустойчиво хозяйственное значеніе cadaго святаго. Въ заключеніе я приведу свое собственное наблюденіе надъ чередованіемъ имени св. Георгія и Николая въ ихъ пастушеской дѣятельности, которое мнѣ пришлось сдѣлать въ Новгородской губерніи. Чередованіе это замѣтно въ привѣтствіяхъ, говоримыхъ пастухамъ: въ пригородныхъ мѣстахъ, гдѣ лѣса уже большею частью вырублены и потому свѣга сходятъ скорѣе, говорится пастухамъ: „Егорій въ стадо“; въ болѣе глухихъ мѣстахъ, гдѣ лѣсу много, а потому и много свѣга, выгонъ скота рѣдко начинается раньше начала Мая мѣсяца. Въ тѣхъ мѣстахъ: встрѣтивъ пастуха, мужикъ говоритъ ему: „Никола въ стадо“. Еще характернѣе это чередованіе по годамъ: когда весна ранняя, крестьянинъ приписываетъ ея наступленіе заботамъ св. Георгія; когда весна установится позже, онъ молится св. Николѣ и на него возлагаетъ свои надежды.

Раньше чѣмъ перейти къ сказкамъ, отмѣтимъ тѣ пѣсни и обряды, гдѣ св. Николай является покровителемъ посѣва и ревностнымъ помощникомъ мужику въ его хозяйственныхъ, пахотныхъ работахъ, потому что такимъ именно мы и увидимъ его въ сказкѣ. Въ сказкѣ распредѣленіе между св. Николой и Егоріемъ вполне закончено: св. Никола помогаетъ мужику въ его хозяйственныхъ нуждахъ, а св. Георгій является покровителемъ животныхъ. По поводу св. Бориса я уже приводилъ пѣсню, гдѣ св. Николай „обходитъ вокола“:

Святая Величко
Зъ чирвонымъ личкомъ,
Светы Юрья
Зъ росидею,
Святый Борисъ
Коній пасецъ,
Сваты Микола
Обойдзецъ вокола ¹⁾).

Такою же изображена дѣятельность св. Николая и въ другой волочобной пѣснѣ, но изображена гораздо яснѣе:

Сваты Микола, старая особа,
Горохъ сѣиць по полю ходзиць,
По полю ходзиць жита глядиць:
Гдѣ вымокло тамъ подсушиць
Гдѣ высохло тамъ подмочиць ²⁾).

¹⁾ Шейнъ, *ibid*, стр. 92.

²⁾ Тамъ-же, стр. 89.

Въ Малороссіи сѣютъ горохъ всегда на Николинъ день, хотя жита посѣяли раньше ¹⁾. Тоже и въ сѣверныхъ губерніяхъ.

Характерно то, что во всѣхъ пѣсняхъ и южно-славянскихъ и бѣлорусскихъ св. Николай всегда изображается ходящимъ:

Ходиць, жита родиць ²⁾.

Также ходить по межамъ и поправляетъ всходы хлѣба, какъ въ сербской пѣснѣ онъ ходилъ по морю и спасалъ погибающихъ. Въ связи съ этимъ находится, вѣроятно, и пословица: „Всѣмъ богамъ по сапогамъ, а Николѣ болѣ, что ходить болѣ“ ³⁾.

Въ Россіи на Николинъ день правда нѣтъ такихъ обрядовъ, которые бы говорили о весеннемъ и именно урожайномъ значеніи его культа. Такой обрядъ существуетъ однако у болгаръ: тамъ на „Николъ день“ въ честь хорошаго урожая колютъ ягнятъ, а если праздникъ окажется въ постный день, ѣдятъ рыбу шаранъ и пекутъ хлѣбъ, которые рассылаютъ по сосѣдямъ ⁴⁾.

На такое же значеніе праздника св. Николая намекаетъ одна русская примѣта:

Предъ Николой иней—овсы хороши,
Иней на Николу—къ урожаю ⁵⁾.

V.

Если на почвѣ народныхъ пѣсенъ и обрядовъ и было трудно усмотрѣть сознательное различіе въ мировоззрѣніяхъ народа на свв. Георгія и Николая, то на почвѣ сказки это различіе выразилось весьма рѣзко. На почвѣ пѣсней и обрядовъ типическая близость этихъ святыхъ опредѣлялась главнымъ образомъ временемъ ихъ праздниковъ; напротивъ, въ сказкѣ, гдѣ мы можемъ наблюдать типическія особенности ихъ идеализаціи, мы увидимъ разницу, между ними лежащую, въ существѣ ихъ личностей. Въ начальныхъ главахъ я уже старался показать, какимъ образомъ св. Николай, становясь все болѣе и болѣе близкимъ простому народу, принималъ характеръ неустаннаго труженика и помощника въ бѣдахъ и печаляхъ. „Попроси

¹⁾ Чубинскій, Тр. Этн. Эксп. т. II Народный дневникъ см. 9-го Мая.

²⁾ Шейнъ, о. с., стр. 77.

³⁾ Калининскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ, см. 6 Декабря, стр. 68.

⁴⁾ Кораселовъ, Пам. нар. б. Болгаръ, стр. 223.

⁵⁾ Калининскій, о. с., стр. 73.

Николу онъ и скажетъ Спасу“ говоритъ пословица: „Что сирѣ и слѣпо то Николѣ свѣту“¹⁾.

Совсѣмъ другое дѣло св. Георгій:

Молодой Егорій свѣтло храбрый,
По локоть руки въ красномъ златѣ,
По колѣно ноги въ чистомъ серебрѣ²⁾.

Ѣздитъ онъ верхомъ на бѣломъ конѣ, у коня подковы золотыя, а гвозди серебряныя³⁾. Не даромъ легенда св. Георгія была воспринята рыцарскимъ романомъ⁴⁾. Не даромъ онъ сталъ equitum patronus.

Чтобы уяснить себѣ точку зрѣнія простого народа на Николая, наиболѣе характерною мнѣ кажется сказка „Касьянъ и Никола“, весьма распространенная у простого народа даже далеко за предѣлами собственно русскаго населенія.

„Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогѣ. Знаю какія у насъ дороги“⁵⁾. Прошелъ мимо „Касьянъ угодникъ“ и не помогъ мужику. Идетъ „Никола угодникъ“; мужикъ сталъ просить его помочь вытащить возъ. Никола сейчасъ помогъ мужику. „Вотъ пришли Касьянъ угодникъ и Никола Угодникъ къ Богу въ рай. — Гдѣ ты былъ, Касьянъ угодникъ?—спросилъ Богъ“ Касьянъ сознался, что не помогъ мужику, объясняя это тѣмъ, что не хотѣлъ „марать райскаго платья. „Ну, а ты, гдѣ выпачкался?“—спросилъ Богъ у Николая Угодника. Когда Никола Угодникъ разказалъ Богу, какъ было дѣло, Богъ и назначилъ ему два праздника въ годъ, а Касьяну за то, что не хотѣлъ помочь мужику, только одинъ праздникъ въ четыре года.

Источники этой сказки кроются въ апокрифическомъ чудѣ о Синагриппѣ царѣ. Преемственность эта прослѣжена А. Н. Веселовскимъ⁶⁾. Имъ-же сообщенъ и пересказъ этого чуда по рукописи Публ. Библиотеки XVII вѣка (Q. I. № 862). Мнѣ остается только передать здѣсь то, что уже сдѣлано А. Н. Веселовскимъ по этому поводу.

¹⁾ *Калинскій*. Церковно-народн. мѣс. стр. 75.

²⁾ *Коравеловъ*, *ibid*, стр. 116.

³⁾ *Ibid*.

⁴⁾ А. Н. *Веселовскій*. Разысканія в. III, глава V.

⁵⁾ *Афанасьевъ*. Народныя русскія легенды № 11; таже сказка и у *Якушима*, *Литовиси русской литературы*, т. I, отд. 3 стр. 116; тоже въ *Бѣлорусскомъ сборникѣ Романова*, выпускъ 4 „Касьянъ и Никола“.

⁶⁾ *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1868 г., мартъ, стр. 226 (статья о книгѣ Гастера).

Царь Синагрипъ, идя по морю на своемъ кораблѣ, очутился въ опасности погибнуть отъ бури. Бывшій при немъ „радца Акиръ“ посоветовалъ ему обратиться за помощью къ св. Николаю. Царь послушался совѣта Акира и такимъ образомъ спасся отъ опасности. Черезъ нѣсколько времени Синагрипъ сталъ просить Акира вызвать св. Николая; Акиръ отказался, говоря, что есть только одинъ человекъ, который можетъ это сдѣлать—митрополитъ Теоктиристъ. Синагрипъ послалъ за Теоктиристомъ, который и приготовился тотчасъ къ вызову св. Николая: велѣлъ на скоро построить церковь „и свашена бысть церковь сватымъ митрополитомъ и пѣша канонъ и молебень и сотвориша сватому Николе сватую литургию и совершивъ канонъ и кутью и вшедь въ палату цареву седоша за трапезою и готоваше мѣсто сватому Николе“. Между тѣмъ св. Николай не являлся, и Теоктиристу перестали вѣрить, что онъ можетъ вызвать святого. Придворные царя даже сѣли за пиръ и звали съ собой и Теоктириста; наконецъ, въ девятомъ часу пришелъ св. Николай, Теоктиристъ вышелъ тотчасъ къ нему на встрѣчу съ кадилами и свѣчами, поклонился и спросилъ святого, почему онъ такъ замѣшкался? „Бившоу ми на морѣ Тивереадскомъ“ отвѣчалъ св. Николай, „и нача корабли утопати и призваше нма мое и шедъ тамо избави ихъ изъ дна моря и умедлившуми тамо. И рече Теоктиристъ: да что еси у нихъ взялъ? И рече св. Никола: завѣщаю канонъ и свѣщу и омилянъ и даша ми курецъ печенъ тѣстанъ. И показа ему курецъ. И рече Теоктиристъ еилософіею ѿ мудрости: Азъ бы сего дѣла курца трехъ степеней не ступилъ“¹⁾. Св. Николай услышавъ такіа гордыя слова хотѣлъ уйти, но потомъ вернулся и благословилъ пиръ; „а святого Теоктириста за тѣ три степени повелѣша святіи ѿтцы по три года не поминати, но понеже въ четвертый годъ поминають, тогда бываетъ високость, а св. Николе составиша святіи ѿтцы праздновати во единъ годъ трижды“. Такъ заканчивается это апокрифическое чудо.

Оба разказа, и чудо и сказка, сводятся, какъ выразился А. Н. Веселовскій, „къ ожидаемому объясненію, почему св. Николая празднуютъ три раза въ годъ, а Теоктиристу (Касьяну) черезъ три года въ четвертый. Въ греческихъ синаксаряхъ XII вѣка память св. Теоктиристу полагается 29-го февраля, когда празднуютъ и св. Касьяна“²⁾. Такимъ образомъ замѣна имени Теоктириста именемъ Касьяна

¹⁾ Ibid., стр. 227.

²⁾ Ibid.

весьма естественна; отличнымъ отъ чуда въ сказкѣ является только телѣга, замѣнившая собой корабль. Это вытаскиваніе изъ грязи телѣги св. Николаемъ извѣстно и въ нѣмецкихъ сказкахъ ¹⁾. Такая же сказка приведена и у Романова и притомъ въ двухъ вариантахъ ²⁾. Очевидно, народъ очень интересовало, почему Касьяну только одинъ праздникъ въ три года: въ томъ же сборникѣ Романова приведена сказка, по которой Касьянъ „правиль обѣдню вмѣстѣ съ Иваномъ Златоустомъ“ и заспорилъ съ нимъ, кто лучше служить. „Спорили, спорили, а тоды Касьянъ ня ўцерьпивъ, торькъ огнемъ у Ивана! Якъ тримавъ свѣчку у рупѣ, дыкъ такъ и торьконувъ у бороду“ ³⁾. За это Богъ и назначилъ ему только одинъ праздникъ въ три года, а Златоусту, въ замѣнъ сожженныхъ, далъ усы золотые: „съ тѣхъ поръ Ивана стали звать Золотовусъ“.

Я уже сопоставилъ раньше чудо о Синагриппѣ царѣ съ извѣстной сербской пѣсней, гдѣ св. Николай роняетъ чашу на пиру. Если мы вспомнимъ и чудо о трехъ иконахъ, перешедшее въ русскую сказку, и такимъ образомъ будемъ имѣть съ одной стороны въ виду чудо о Синагриппѣ царѣ и сербскую пѣсню, перешедшія въ народномъ мировоззрѣніи въ сказку о Касьянѣ съ одной стороны, а съ другой чудо о трехъ иконахъ съ соответствующей сказкой, мы можемъ себѣ составить ясное понятіе о той идеализаціи въ народномъ повѣр'ѣ, какой подверглась легенда этого святого. Прибавимъ къ этому еще и весеннее значеніе его культа, и тогда мы ясно поймемъ, почему онъ сталъ дорогъ простому народу.

Къ этой же группѣ легендъ нужно отнести и вариантъ сказки о Маркѣ Богатомъ, помѣщенный у Садовникова ⁴⁾. Однажды Марку Богатому приснился сонъ, что къ нему придетъ въ гости самъ Богъ со св. Николаемъ. Онъ, конечно, приготовился встрѣтить съ почетомъ неожиданныхъ гостей и устроилъ пиръ во всемъ великолѣпіи своего богатства. Какъ разъ въ это время приходятъ къ нему два странника: „Марко на нихъ осерчалъ, по всячески обругалъ: Экъ, говоритъ—несетъ васъ лукавый съ грязными ногами въ лаптищахъ-то. Я, говоритъ—жду Бога, а вы тутъ грязните. Ступайте въ заднюю избу съ заднихъ воротъ, тамъ ночуйте“ ¹⁾. Странники эти и были

¹⁾ *Eugen Schnell*. Sanct Nicolaus der Heilige Bischof und Kinderfreund. Heft I, S. 33.

²⁾ Вѣлорусскій сборникъ, выпускъ четвертый, стр. 15.

³⁾ *Ibid.*, стр. 16: „Иванъ Золотовусъ и Касьянъ“.

⁴⁾ Сказки Самарскаго края, стр. 256.

Богъ со святымъ Николаемъ; ночью родился у бѣдной вдовы мальчикъ, и Богъ, чтобы наказать за гордость Марка, отдалъ сыну вдовѣ все богатство его.

Перейдемъ теперь къ собственно хозяйственнымъ сказкамъ о св. Николаѣ: въ сказкѣ „Илья и Никола“²⁾ разсказывается какъ св. Николай помогъ мужику, на котораго разсердился св. Илья: „жилъ былъ мужикъ: Николинъ день завсегда почиталъ, а въ Ильинъ нѣтъ, нѣтъ, да и поработаетъ; Николѣ угоднику и молебень отслужить и свѣчку поставить, а про Илью пророка и думать забыть“¹⁾, такъ начинается эта сказка въ легендахъ Аванасьева. Въ той же сказкѣ у Садовникова причина сердца Ильи на мужика нѣсколько иная, не та, что онъ не почиталъ праздника св. Ильи: „Мнѣ больше ничего не надо, только бы батюшка Микола угодникъ пшенички зародилъ“³⁾ говорить мужикъ св. Николѣ и св. Ильѣ, на вопросъ ихъ отчего онъ веселъ. „Рази ты родишь пшеницу? Вѣдь не ты, а я“²⁾, говорить Илья Николѣ и собирается мстить мужику. Послѣ этого различія сказки вполнѣ схожи: въ обоихъ св. Илья рѣшаетъ побить градомъ мужикову пшеницу, а св. Николай только совѣтуетъ мужику продать пшеницу на корню. Мужикъ продалъ поле попу. Идутъ опять мимо него св. Илья и Никола: „разорилъ ты хорошо, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково“³⁾, говорить Никола Ильѣ. „Ну, ладно у меня отъ этой градобойной пшеницы онъ двадцать сотъ пожнеть съ десятины“⁴⁾, отвѣчалъ Илья. Св. Николай опять передалъ это рѣшеніе мужику и посоветовалъ перекупить поле по дешевой цѣнѣ у попа. Дальше продолжается эта опустошительная дѣятельность св. Ильи каждый разъ, какъ онъ узнаетъ, что это поле въ рукахъ мужика, и всякій разъ св. Николай выручаетъ мужика изъ бѣды. Кончается эта сказка тѣмъ, что св. Николай совѣтуетъ поставить св. Ильѣ большую свѣчку и принести ему большой пирогъ, и св. Илья мирится на этомъ съ мужикомъ. „Охъ, Илья великій“, говоритъ ему въ заключеніе св. Николай, „ты вѣдь чиномъ-то посвыше меня—онъ тебѣ и пирогъ по выше несеть, а я по ниже, мнѣ и пирогъ по ниже. А ты у него еще трехпудовку на мельницѣ уничтожилъ; обидѣлъ его“⁴⁾.

¹⁾ Аванасьева. Русскія народныя легенды, стр. 39.

²⁾ Садовниковъ. Сказки Самарск. края, стр. 270.

³⁾ Аванасьева. Русск. народн. легенды, стр. 40.

⁴⁾ Сказки Самарск. края, стр. 272.

По поводу этой сказки Аванасьевъ приводитъ сербскую пѣсню о дѣлѣхъ мира святыми, гдѣ говорится: „А Никола воде и брадове“ ¹⁾ и приписываетъ св. Николаю значеніе „владыки дождеваго моря“ ²⁾. Такимъ образомъ эта помощь св. Николая противъ нападковъ Ильи является помощью воды противъ палящихъ лучей солнца. Я позволю себѣ усумниться въ этомъ міеологическомъ объясненіи: мы видѣли, что св. Николай у народа имѣетъ значеніе помощника въ хозяйствѣ помимо своего морского культа. Благодарственнымъ онъ является въ этой сказкѣ именно благодаря той симпатіи, какой пользовалась его легенда у простого народа. Въ цѣломъ рядѣ сказокъ мы увидимъ его на ряду съ другими святыми и его дѣятельность всегда оказывается благотвѣльной мужику. Замѣьте также, что въ приведенной здѣсь сказкѣ онъ говоритъ Ильѣ пророку, что Илья выше его и самъ признаетъ свое низкое положеніе. Міеологическое объясненіе Аванасьева рушится хотя бы уже по тому, что имя Ильи вовсе не устойчиво въ этой сказкѣ: въ сборникѣ Романова приводится четыре сказки того же типа и въ трехъ имя Ильи замѣнено именемъ Егорья, а въ одной Бога ³⁾. При этомъ въ одной изъ этихъ сказокъ предпочтеніе дается Егорью ⁴⁾, а въ остальныхъ трехъ Миколѣ. Такимъ образомъ типичнымъ помощникомъ мужика всетаки нужно признать Николу. Безусловной точности въ образахъ сказочныхъ святыхъ вообще нѣтъ, но она можетъ быть восстановлена, по большинству, какъ это имѣетъ мѣсто въ разбираемой нами сказкѣ.

Въ связи съ только что упомянутою сказкой находится и сказка „Миколай Милостивый“ ⁵⁾: это собственно сводъ нѣсколькихъ сказокъ, главнымъ лицомъ, которыхъ является св. Николай. Я ставлю эту сказку въ центрѣ всѣхъ другихъ сказокъ, такъ какъ здѣсь именно сказалось весьма ясно, какъ смотрѣлъ простой народъ на св. Николая и принадлежащія ему сказки. „Вотъ Микола живетъ на землѣ и творитъ и творитъ добрыя дѣла, и каждый день докладываютъ Господу у обѣдни на небесехъ о дѣлахъ Миколы, а Михайло Архангелъ и Егорій находятся при Господѣ и слышатъ, что Миколѣ то больше почету и на землѣ и на небѣ, хотя ихъ Богъ также почиталъ, какъ и Миколая. И слышатъ: „ему на землѣ три престола, а

¹⁾ *Караджичъ*. Сербске народне пјесме, кн. друга, стр. 2.

²⁾ *Аванасьевъ*. Поэтическія возвращенія славянъ на природу. Томъ I стр. 475.

³⁾ *Бѣлорусскій сборникъ*, вып. IV, стр. 19 и слѣд. 163 и 165.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 19.

⁵⁾ *Ск. Сам. крај*, стр. 273 и слѣд.

у нихъ по одному". Вотъ они и стали завидовать Николаю и попросились у Бога съѣздить на землю и посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ, а въ тайнѣ думали они помѣриться силами со св. Николаемъ, „взяли они лошадей, жеребцовъ, Михайло то бѣлаго, а Егорій черной масти и поѣхали на землю". Приѣзжаютъ туда, гдѣ жилъ св. Николай и дома не застаютъ его: „Мотри, говоритъ Егоръ, чать добро како творить: онъ вѣдь у насъ безустанный". Наконецъ Никола вернулся. Егоръ и Михайла сильно проголодались и не прочь были бы закушать чего нибудь, но у Никола кромѣ трехъ просвирокъ ничего не оказалось. Арх. Михайлъ спрашиваетъ Николу, гдѣ онъ былъ, и тотъ рассказываетъ извѣстную сказку о телѣгѣ, только безъ упоминанія о Касьянѣ. Въ этомъ рассказѣ впрочемъ вмѣсто телѣги св. Никола изъ грязи вытаскиваетъ лошадь. „То-то на тебѣ рубаха то грязновата, замѣчаетъ Михайлъ Архангелъ". Передъ отѣздомъ святые предлагаютъ Николѣ задачу: „сдѣлать бѣднаго мужика богатымъ, а богатаго бѣднымъ". Никола соглашается ее исполнить. Вышли святые на дворъ и видятъ, что Никола „подшутилъ" надъ ними и бѣлой лошади сдѣлалъ черную голову и обратно. По просьбѣ ихъ Никола отрубилъ головы и сдѣлалъ опять по старому. Съ тѣмъ и уѣхали святые, а Никола приступилъ къ исполненію задачи.

При исполненіи этой задачи онъ дѣлаетъ почти тоже, что въ сказкѣ объ „Ильѣ и Николѣ": Приходитъ Никола къ мужику и говоритъ ему: „Богъ помочь".—„Да кака мнѣ отъ Бога помощь, Миколушка? Чать самъ знашь—отъ голоду умираю".—„Богъ милостивъ, Богъ невидимо подаетъ. Я къ тебѣ пришелъ посоветовать, слышь" ¹⁾. Онъ совѣтуетъ мужику продать рожи на корню; мужикъ сомнѣвается: Вѣрно ли ты говоришь?—„Вѣдь ты меня чай знашь? Коли я тебѣ вралъ?" Мужикъ слѣдуетъ совѣтамъ Никола: идутъ разныя хозяйственные тонкости, которыхъ я не стану подробно передавать. Всѣ эти хозяйственные соображенія, въ которыхъ Никола оказывается весьма свѣдущимъ, приводятъ наконецъ бѣднаго мужика къ богатству, когда рядомъ живущій съ нимъ мужикъ бѣднѣетъ. Егорій и Михайла Архангелъ оказываются далеко не такъ глубоко знающими хозяйство, какъ Никола, и побѣда, конечно, остается на его сторонѣ.

Въ этой сказкѣ наиболѣе характерно выразилась эта близость св. Николая къ простому человѣку. Онъ называетъ его „Николушка". Николай оказывается весьма свѣдущимъ въ хозяйственныхъ комби-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 274.

націяхъ мужика. Наконецъ онъ живетъ на землѣ, тогда какъ другіе святые на небѣ. Кончается эта сказка тѣмъ что св. Никола исполняетъ еще одну задачу, заданную ему св. Георгіемъ: онъ лѣчитъ попу отъ черезчуръ большой жадности къ деньгамъ.

Приходитъ Никола къ священнику и говоритъ ему: пойдѣмъ лѣчить людей. Лѣчение заключается въ томъ, что св. Николай рубитъ людей на части, потомъ складываетъ ихъ, прыскаетъ водой и люди оживаютъ здоровыми. Такимъ образомъ они съ попомъ собрали несметныя богатства, которыя всѣ попу забралъ себѣ. Попу понравилось это дѣло и онъ отправился наконецъ одинъ лѣчить такимъ образомъ людей; конечно первый человѣкъ, котораго онъ разрубилъ и не думалъ оживать, и попу взяли подъ судъ. Всѣ его богатства ушли на веденіе дѣла и когда ему, наконецъ, удалось избѣгнуть наказаніе, попу пересталъ стремиться къ наживамъ и радъ былъ, что хоть жизнь сохранилъ.

Тотъ же сказочный мотивъ мы находимъ весьма часто въ сказкахъ объ св. Николѣ; иногда въ нихъ играетъ роль попу иногда цыганъ ¹⁾. Конецъ бываетъ разный: въ сказкѣ „цыганъ и Никола“, цыганъ проваливается сквозь землю, когда не хочетъ отдать Николѣ половину того, что они вмѣстѣ заработали.

Такимъ же заступникомъ за бѣднаго человѣка видимъ мы св. Николая и въ сказкахъ о хожденіяхъ. Такія двѣ сказки находятся между малороссійскими ²⁾; онѣ обѣ весьма сходны между собой; я приведу здѣсь ее по Аванасьеву: „Въ давніи времена ходывъ Богъ по землѣ и въ св. Мыколаемъ и святымъ Петромъ“ ³⁾. Зашли они къ бѣдной вдовѣ и попросились переночевать. Она пустила ихъ. Стали они спрашивать ее поѣсть, а у ней ничего нѣту: „нѣма у меня ничого. Я, бидная, хлѣбъ, соли зарабатяю, и только мого хлѣба що одинъ крайчыкъ на полицѣ“ ²⁾. Богъ сказалъ ей: „погляды лншь, молодыце, добре у пичи, може ты и найдешъ тамъ чего-нибудь“. Дѣйствительно чудеснымъ образомъ оказались въ печи „разной хорошей стравы и варынухи-богацько“. Переночевали Богъ со святыми у вдовы и пошли дальше. Приходятъ въ томъ же селѣ къ

¹⁾ *Аванасъевъ*. Русск. нар. легенды: Изцѣленіе, стр. 15. Попъ завидующіе глаза, стр. 19. Сказки смиренія: Кузнецъ и Николай угодникъ, ст. 266. *Драюмановъ*, Малороссійскія преданія: Богъ, Петръ, Никола и цыганъ, стр. 125.

²⁾ *Драюмановъ*. Малороссійскія преданія, стр. 111. *Аванасъевъ*. Русск. нар. легенды; стр. 9.

³⁾ *Аванасъевъ*, *ibid.*

богатому мужику, тутъ на нихъ накинута хозяйка и закричала на мужа, который хотѣлъ дать что-нибудь старцамъ: „ты глады своихъ людей, що частуешь и не оглядайся до старцевъ; бо якъ ты принадишь сыхъ дивихъ, той не будутъ чрезъ ныхъ двери зачѣнятыця!“ Имъ однако вынесли по чаркѣ водки и по куску хлѣба. Пошли они дальше, вышли въ поле. Тутъ подбѣжалъ къ Богу волкъ и пожаловался, что давно не ѣлъ. Богъ назначилъ ему корову той бѣдной вдовы, у которой она была. Св. Николай сталъ просить, чтобы лучше взялъ у того богача какую-нибудь скотину, но Богъ не согласился: „бо вона на симъ свитѣ талану не має“ ¹⁾. Между тѣмъ они всѣ легли спать. Св. Николай, какъ только Богъ заснулъ, побѣжалъ и замазалъ отмѣтины у коровы бѣдной вдовы. Волкъ, не найдя указанной ему коровы, вернулся назадъ; Богъ опять назначилъ ту же корову: „а св. Миколоай бачить, що ничего не вдіе, тай замовчавъ“ ²⁾. „Идутъ они дальше, катится бочка съ золотомъ. Богъ назначилъ ее тому богатому и скупому мужику; св. Николай опять хотѣлъ возражать, но Богъ сказалъ: „Цей таланъ данъ одному только тому богатырови“ ³⁾. Послѣ этого Богъ показалъ св. Николаю одну свѣтлую „криницу“ и двѣ другія, гдѣ были „темные та сирые гады“: первый изображаетъ рай, гдѣ и будетъ бѣдная вдова, двѣ другія есть адъ, приготовленный богатырю и его злой женѣ.

Этотъ эпизодъ съ коровой наводитъ опять на вопросъ о сравненія Егорья съ Николой; какъ уже было сказано, первый часто является въ сказкахъ покровителемъ животныхъ. Въ двухъ сказкахъ Егорій назначаетъ неизмѣнно на сѣдненіе волку домашнее животное. Въ сказкѣ „Про солнце, Юрья и Петра“ ³⁾ нанялся бѣдный паробокъ къ мужику цѣлое лѣто работать за „короставаго конька“. Однажды погналъ онъ на Юрьевъ день стадо коней въ поле и слышитъ, какъ волкъ жалуется Егорію, что голоденъ. Егорій назначилъ ему на сѣдненіе какъ разъ того самого „короставаго конька“. съ лысиной. Паробокъ сейчасъ замазалъ лысину коню, словомъ повторяется то же, что и въ предыдущей сказкѣ: волкъ сѣддаетъ скотину бѣднаго человѣка, „хочъ з лысиной хочъ безъ лысины абы короставый“ ⁴⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 11.

²⁾ Ibid., стр. 12.

³⁾ Чубинскій. Труды Эти. Эксп., т. II, стр. 6.

⁴⁾ Ibid.

Аналогичная сказка рассказывается и у Садовникова ¹⁾ про св. Георгія: ѣхалъ мужикъ днемъ въ лѣтнюю пору и везъ съ собой овцу, вдругъ волкъ на нее бросился, мужикъ отбилъ свою овцу у волка. Тогда сразу стала ночь, такъ что мужикъ не зналъ, куда ему ѣхать; видитъ онъ въ полѣ огонекъ и поѣхалъ на него. У огня увидѣлъ онъ св. Георгія и вокругъ него волковъ; всѣ волки сытые, одинъ только голодный. „Зачѣмъ у волка овцу отнялъ?“ спросилъ мужика св. Георгій и заставилъ его отдать овцу; тогда опять стало темно и мужикъ благополучно добрался до дому, довольный, что отдѣлался одной овцой. Впрочемъ, такая же точно сказка рассказывается и про св. Николая ²⁾.

Послѣ всего сказаннаго мнѣ кажется вполне яснымъ то, какимъ образомъ сталъ столь популярнымъ у простого народа Николай Милостивый. Мнѣ кажется доказаннымъ, что эта популярность основана не на стихійномъ характерѣ его легенды (Аванасьевъ), а по тому духу непосредственной доброты и человѣчности, который является неизмѣннымъ во всѣхъ эпизодахъ книжной и народной легенды о св. Николаѣ. Это первенство св. Николая передъ другими святыми въ весьма странной формѣ выражено въ одной сказкѣ, помѣщенной у Драгоманова ³⁾. По краткости ея я приведу ее цѣликомъ.

„Одинъ чоловікъ давно не був у своїмъ селі: він од панів ховався. „От зострів він другого чоловіка з того ж села, тай разболакались—А що, каже, чи нема якихъ слухівъ?“—„Да, що Богъ помер! — „О що, хто же теперъ буде миромъ управляти?“—„Кажуть Богородиця, а иншіи Никола угодникъ божій“—„Де тамъ Богородиця, не жіночке діло! Миколай... ні, він дуже молебні любить“—А то кажуть Юрко—„От се булобъ добре: він би сихъ чортовихъ панівъ тее“... И разишлися“.

Въ народной литературѣ мысль о томъ, что св. Николай долженъ унаслѣдовать управленіе міромъ мы находимъ еще въ двухъ мѣстахъ: таковое повѣрье извѣстно у болгаръ: „Кога умре Господь, то щатъ турнать Свѣти Никола на негово мѣсто“ ⁴⁾. Въ одной интермедіи XVII вѣка бѣлорусскій мужикъ отвѣчаетъ школьному сторожу на вопросъ, что есть Богъ, слѣдующее: „Борись е святого Микоулы роженъ братъ и колибъ Богъ не бывъ Богомъ, тобъ „свенты

¹⁾ Сказки Сам. края; стр. 283.

²⁾ Чубинскій. Тр. Этн. Эксп., т. I. стр. 167.

³⁾ Малороссійскія преданія, стр. 140.

⁴⁾ Каравеловъ. Памятники народнаго быта болгаръ, 273.

Микла бывъ Богомъ¹⁾. Отношенія свв. Бориса и Николы мы уже видѣли при обзорѣ бѣлорусскихъ волочобныхъ пѣсенъ.

Между приведенной мною сказкой изъ сборника Драгоманова и этимъ косвеннымъ извѣстiemъ о существованіи подобной же сказки въ XVII вѣкѣ лежитъ однако то существенное различіе, что въ сказкѣ Микола, какъ бы не желательный правитель міра: онъ слишкомъ любитъ молебны. Это обвиненіе противъ Миколы встрѣчается еще въ одной сказкѣ, помѣщенной у Садовникова²⁾, сказкѣ, которая даетъ намъ, мнѣ кажется, возможность и объяснить это обвиненіе противъ любимого святого.

Бѣдный батракъ получилъ за свою долгую службу отъ хозяина только „пасху“ и идетъ въ пасхальную ночь домой; встрѣчаетъ онъ Бога, и тотъ проситъ его разговѣться; батракъ не соглашается, обвиняя Бога въ несправедливости: зачѣмъ на свѣтѣ одни богаты, а другіе бѣдны? Дальше онъ встрѣчаетъ Николу и тому не даетъ разговѣться: Миколѣ не поставь свѣчки, онъ и не поможетъ. Наконецъ встрѣчаетъ батракъ смерть и съ ней садится разгавливаться: смерть одинакова ко всѣмъ людямъ. Сказки подобнаго типа встрѣчаются довольно часто, героями въ нихъ обыкновенно были, батраки, солдаты. У Романова³⁾ также приведена подобная сказка, начинающаяся словами: „Бывъ мальчишка малолѣтній; ѣнъ сирота; служивъ по людзѣхъ“. Этотъ мальчикъ встрѣчаетъ сначала Миколу и не хочетъ дать ему кусочка хлѣба говоря: „усимъ зародивъ жито ясноу, а мнѣ нѣ“. Дальше онъ встрѣчаетъ Егорья и ему также отказываетъ: „у усихъ цѣль скоть, а мойого одного жеребчика и того волкамъ отдавъ“. Послѣ встрѣчи со смертью сказка переходитъ на другой сюжетъ: избитый сюжетъ чудеснаго доктора. Въ началѣ также мы видимъ вплетеніе другой сказки, очень часто встрѣчающейся, сказки о томъ, какъ батракъ служилъ за жеребенка, и этого именно жеребенка Егорій, иногда Богъ, отдавъ волкамъ. Этотъ разказъ по своему пессимистическому тону весьма хорошо подходитъ къ разбираемой нами сказкѣ. Чтобы понять ее, нужно вдуматься въ ея глубокий социальный смыслъ: здѣсь люди обездоленные: сироты, хлопецъ, что „од панів

¹⁾ Комедія объ Іаковѣ и Іосифѣ въ рукописяхъ Имп. Публ. Библ. польская рук., Q. XIV № 18; указано въ Очеркахъ изъ исторіи русской драмы XVII и XVIII в. II. О. Морозова. 1888, стр. 75.

²⁾ Сказки и преданья Самарскаго края, стр. 262 и слѣд.

³⁾ Бѣлорусскій сборникъ, вып. 4, стр. 66.

ховавсь", батракъ; какъ ни вѣрятъ они въ своихъ святыхъ, но жизнь беретъ свое, годами тяжелыхъ испытаній складывается сознательное пессимистическое настроеніе, которое не можетъ поколебать никакая сказочная идеализація: и вотъ зарождается мысль, что одна смерть справедлива или ожиданіе отъ представителя воинской доблести, поразившаго змѣя, что онъ поразитъ и наболѣвшее зло, уничтожитъ „сіхъ чортовыхъ панів“.

Важная роль, которую играетъ св. Николай въ народномъ міровоззрѣніи и хозяйственный пахатный характеръ его народнаго культа не разъ наводилъ на мысль сближеніе его съ богатыремъ русскихъ былинъ Микулой Селяниновичемъ, тѣмъ болѣе что сходство именъ какъ то само вызываетъ это сближеніе „Образъ христіанскаго святаго нечувствительно слился въ дѣтскомъ воображеніи народа съ дорогимъ для всѣхъ и всѣмъ давно знакомымъ образомъ Микулы Оратая, говоритъ Е. Марковъ о св. Николаѣ, и изъ историческаго сочетанія мало по малу создался и возросъ теперешній популярный заступникъ и покровитель Русской земли—Никола Милостивый“¹⁾. Г. Марковъ нѣсколько преувеличилъ эту общность образовъ, какъ мы увидимъ дальше.

Такое сближеніе сдѣлалъ и проф. Всеволодъ Миллеръ въ статьѣ „по поводу Траяна и Баяна Слова о Полку Игоревѣ“. „Можно было бы мотивировать выборъ имени (Микула Селяниновичъ), говоритъ г. Миллеръ, народнымъ культомъ св. Николая Чудотворца покровителя коней“.²⁾ Какъ видно изъ словъ проф. Миллера, онъ основываетъ свою догадку на случайномъ отношеніи къ лошадямъ обоихъ народныхъ героев: у Микулы также „кобылка соловенькая“. Мы видѣли однако, какъ неустойчиво покровительство лошадямъ св. Николаемъ: оно вовсе не является главнымъ мотивомъ его весенняго культа. Многоуважаемый профессоръ сдѣлалъ однако на почвѣ этого мотива въ культѣ св. Николая весьма опасное обобщеніе, сблизивъ святаго съ Николаемъ, являющимся соперникомъ Александра Македонскаго на конскомъ ристалищѣ (Pseudocall. стр. 18). Это сближеніе давно оставлено въ наукѣ по чисто хронологическимъ соображеніямъ, а вопросъ о сходствѣ типовъ и именъ св. Николая и Микулы Селяниновича по прежнему стоитъ на очереди.

Теорія о заимствованіяхъ, все расширяющая свой научный кру-

¹⁾ *Историческій Вѣстникъ*, 1887 г., апрѣль.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1878, XII, стр. 265.

гозоръ старалась уже давно добраться до прародителей нашего былиннаго „богатыря пахаря“. Идя по этому пути А. Н. Веселовскій сопоставилъ поѣздку Вольги съ поѣздкой Карла Великого къ царю Гугону, являющемуся въ этой пѣснѣ царственнымъ пахаремъ ¹⁾. Этого царя пахаря А. Н. Веселовскій сблизилъ съ извѣстнымъ пресвитеромъ Іоанномъ. Проф. Вс. Миллеръ въ уже упомянутой выше статьѣ пошелъ еще дальше въ своихъ обобщеніяхъ: онъ приводитъ фригійское преданіе о царѣ Гордіасѣ и сходное съ нимъ чешское о „Пшемислѣ царѣ пахарѣ“. „Отъ этого книжнаго чешскаго преданія, говоритъ онъ, нельзя отдѣлить былинну о встрѣчѣ Вольги съ Миколой Селяниновичемъ“ ²⁾. Года два тому назадъ А. Н. Веселовскимъ была проведена еще одна параллель по поводу Микуды, онъ сравниваетъ нашего пахаря съ Доброшаномъ румынской баллады ³⁾. Доброшанъ—крестьянинъ и въ то же время богатый сильный бояринъ, онъ одѣваетъ своихъ бояръ по крестьянски, но въ дорогое щегольское платье, этимъ онъ напоминаетъ царя Гугона.

Сторонники этой теоріи заимствованій въ противоположность національной теоріи ⁴⁾ сильно сомнѣваются въ народномъ происхожденіи и народныхъ идеалахъ Микуды; „перенесите Микуду въ эту (царей пахарей) среду и вы поймете почему онъ братается съ Вольгой“ ⁵⁾ говоритъ объ немъ А. Н. Веселовскій. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый однако говоритъ о Микудѣ, что „грандіозный образъ пахаря не могъ не прійтись по сердцу крестьянской средѣ, хранильницѣ пѣсни“ ⁶⁾.

Не входя въ вопросъ о возникновеніи у насъ образа богатыря пахаря я коснусь только вопроса, наиболѣе здѣсь умѣстнаго по самой цѣли статьи, коснусь вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ святаго покровителя простого народа и рачителя о его хозяйственныхъ нуждахъ и богатыря пахаря. Въ этомъ отношеніи весьма важно участіе Николы Можайскаго въ былинѣ о Потыкѣ и Садкѣ: два далекія другъ отъ друга сказанія, сошедшіяся на почвѣ крестьянскихъ идеаловъ, быть можетъ сблизились „не въ составляющихъ ихъ элемен-

¹⁾ Южно-русскія былинны, стр. 823 слл.

²⁾ В. Миллеръ, в. ук., стр. 262.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887. III, стр. 21.

⁴⁾ Оп. Миллеръ. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1879, № 4. Халанскій; Ibid., 1881.

⁵⁾ Тамъ же статья, ibid.

⁶⁾ Южно-русскія былинны, стр. 238.

тахъ“, а въ „цѣломъ, въ композиціи“, говоря словами А. Н. Веселовскаго, и сблизились настолько, что имя одного повліяло на имя другого.

Въ заключеніе я скажу о зимнемъ праздникѣ св. Николая 6-го декабря, о которомъ не было до сихъ поръ рѣчи. Къ этому празднику относится пословица: „Никола загвоздитъ, что Егорій намоститъ“ ¹⁾. Этотъ день ознаменовался въ народной жизни знаменитой братчиной Никольщиной, о которой мы читаемъ въ Новгородскихъ былинахъ ²⁾. Какъ видно изъ пословицъ, эти Никольщины были сопряжены съ великимъ пьянствомъ: „Горевалъ мужикъ по Никольщинѣ, что не цѣлый вѣкъ“. „Для кума Никольщина бражку варить для кумы пироги печь“. „На Никольщину зови друга зови врага оба будутъ друзьями“ ³⁾. „Никольскіе кануны извѣстны, читаемъ мы въ упомянутой статьѣ А. Н. Веселовскаго,—когда Никола хочетъ помѣшать бражнику пробраться въ рай, тотъ стыдитъ его: „А помнишь ты, св. Николае, какъ ты велѣлъ свои кануны творить и намъ бражникамъ велѣлъ долго пить свой праздникъ величать“⁴⁾. Святой Николай отъиде отъ вратъ посрамленъ“ ⁴⁾.

¹⁾ *Калинскій*. Церковно-народный мѣсяцесловъ; 6-го декабря.

²⁾ Русская Бесѣда. 1856. IV, Статя *Соловьева*.

³⁾ *Каравеловъ*, *ibid.*

⁴⁾ Таже статья въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, XII.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY
ON OR BEFORE THE LAST DATE
STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF
OVERDUE NOTICES DOES NOT
EXEMPT THE BORROWER FROM
OVERDUE FEES.

